

РИК РИОРДАН

ПЕРСИ ДЖЕКСОН
и ПОСЛЕДНЕЕ
ПРОРОЧЕСТВО

Annotation

Олимп в опасности! Кронос, собравший огромную армию титанов, хочет захватить и разрушить олимпийскую твердыню. Чтобы его план сработал наверняка, повелитель титанов совершает отвлекающий маневр и освобождает Тифона. Обманутые боги вступают в сражение с этим страшным чудовищем, оставив без защиты свою обитель. И только Перси Джексон — единственный, кто раскусил военную хитрость Кроноса. Вместе с друзьями-полукровками он встает на защиту Олимпа. Удастся ли им отбить атаки чудовищ или защитникам придется погибнуть в неравном бою? Надеяться они могут только на чудо. И на помощь богов — тех, кто пока держит в этой схватке нейтралитет.

Цикл Рика Риордана о Перси Джексоне стал одним из супербестселлеров последних лет. Высокобюджетная экранизация приключений Перси упрочила и умножила успех книжного сериала и прибавила автору миллионы поклонников во всем мире.

Рик Риордан

Перси Джексон и последнее пророчество

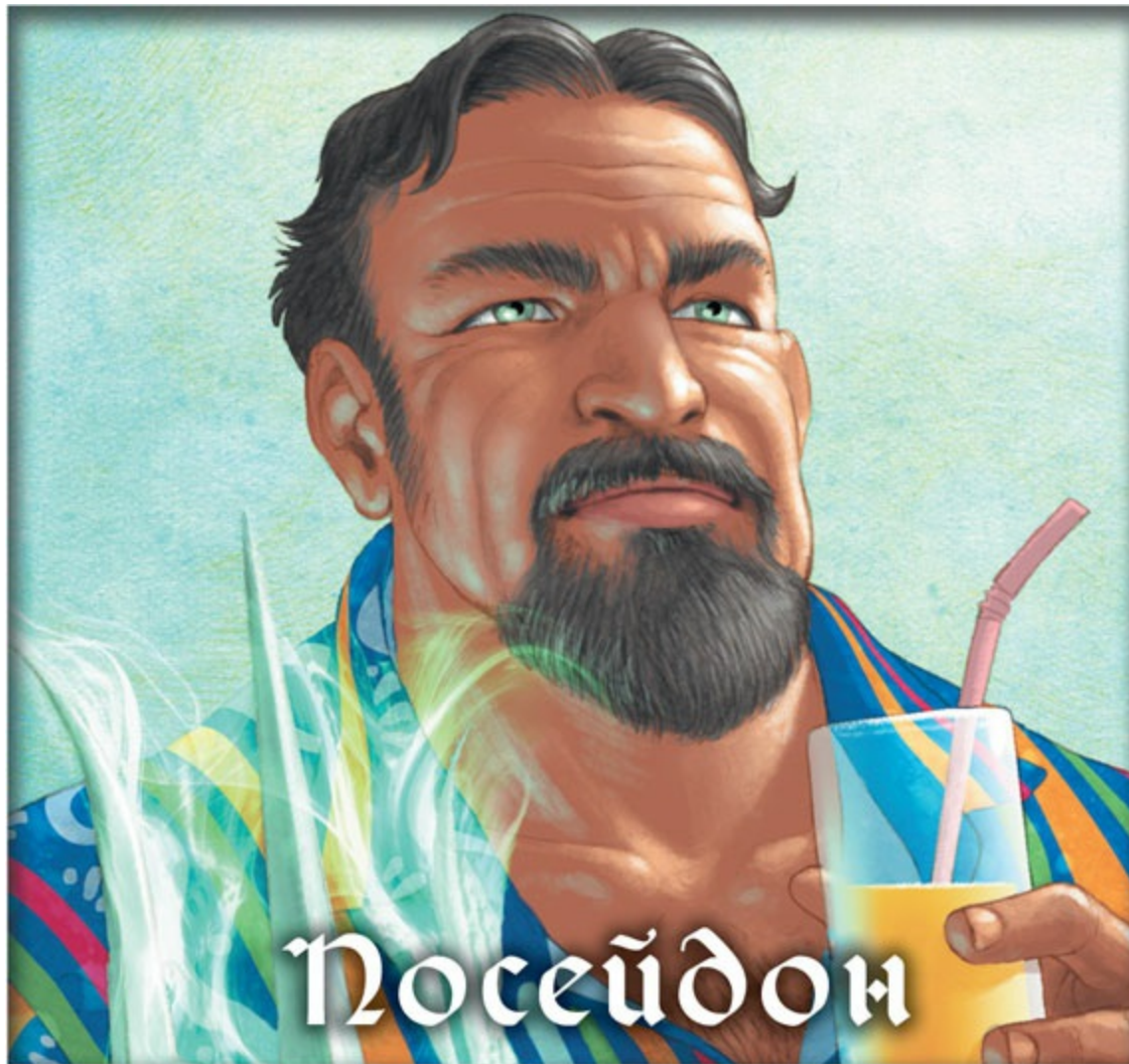
Посвящается миссис Пабст, учившей меня английскому языку в восьмом классе, — именно она указала мне дорогу, ведущую к Лагерю полукровок

Также известен как
Повелитель Небес
Владыка горы Олимп
Один из Большой Тройки

Место проживания
Гора Олимп
(теперь находится на 600-м этаже Эмпайр-стейт-билдинг)

Оружие по выбору
Жезл, извергающий молнии

Также известен как

Бог Морей

Один из Большой Тройки

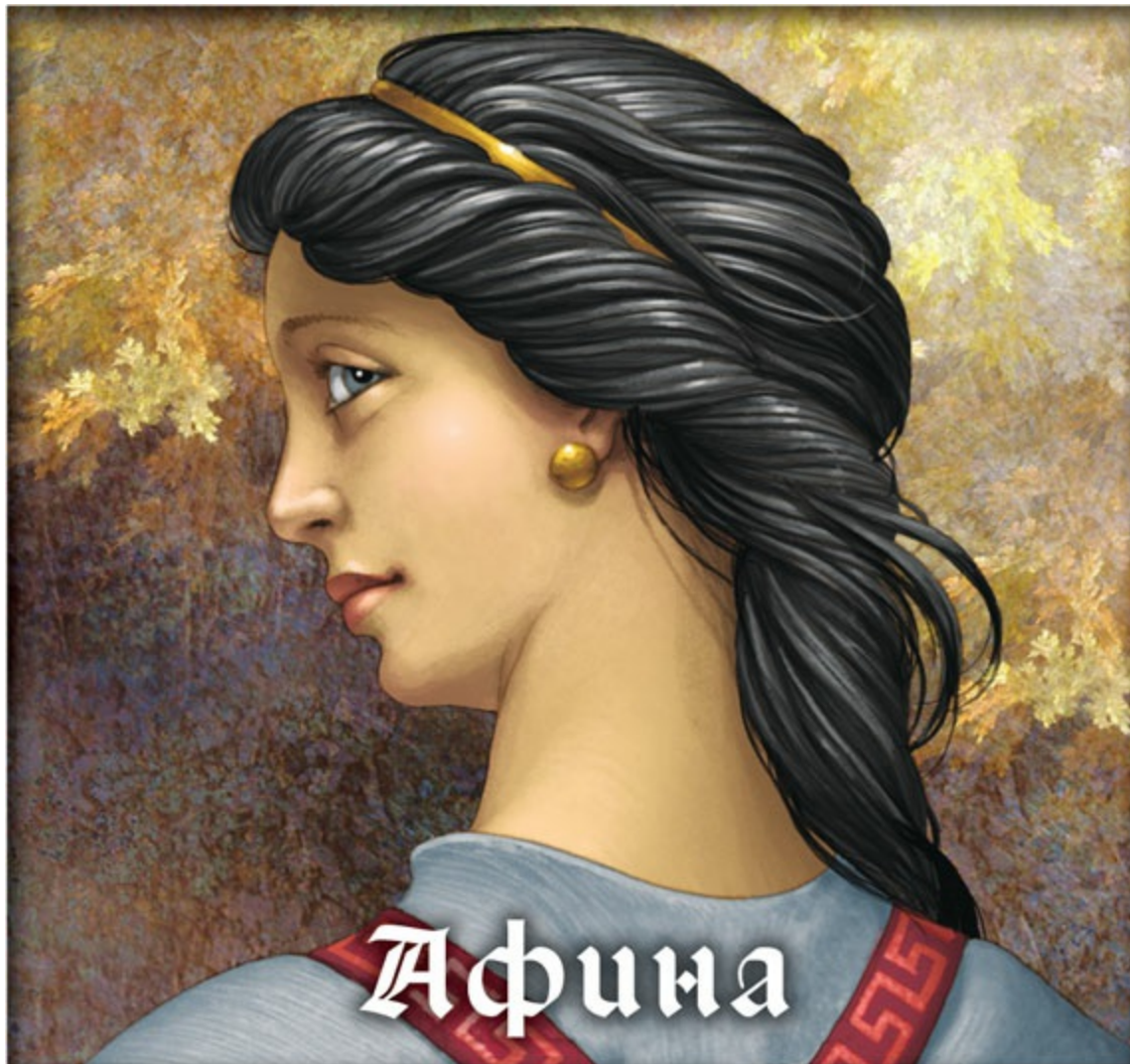
Отец Перси

Место проживания

Морские Глубины

Оружие по выбору

Трезубец

Также известна как
Богиня Мудрости и Войны
Мать Аннабет

Место рождения
Голова Зевса, откуда она появилась в полном боевом снаряжении

Оружие по выбору
Стратегия, хитрость и все, что подвернется под руку

Также известен как
Бог Войны
Отец Клариссы

Место проживания

Гора Олимп

(хотя на бампере его мотоцикла написано: «Я не родился в Спарте, но устремился сюда на всех парах»)

Оружие по выбору

Назови любое — он им воспользуется

Также известен как
Полубог, сын Посейдона
Рыбьи Мозги

Место проживания
Нью-Йорк, штат Нью-Йорк

Оружие по выбору
Анаклузмос

Также известна как
Полубог, дочь Афины
Умница-разумница

Место проживания
Сан-Франциско, штат Калифорния

Оружие по выбору
Волшебная бейсболка «Янкиз», делающая ее невидимой
Кинжал из небесной бронзы

Также известен как
Козленок
Лучший друг Перси

Место проживания
Лес вблизи Лагеря полукровок

Предпочитаемое оружие
Свирель из тростника

Также известен как
Мистер Браннер
Бессмертный учитель героев
Заместитель директора Лагеря полукровок

Место проживания
Лагерь полукровок, Лонг-Айленд, штат Нью-Йорк

Оружие по выбору
Лук и стрелы

Глава первая

Круиз со взрывом

Конец света начался с того, что на капот моей машины приземлился пегас.

До этого момента я прекрасно проводил время. Вообще-то я еще не должен был садиться за руль, потому что шестнадцать мне исполнялось только через неделю, но мама и мой отчим Пол повезли меня и мою подругу Рейчел на частный пляж на Саут-Шор, и Пол позволил нам немного прокатиться на его «тойоте приус».

Вы, наверное, думаете: «Ну и безответственный тип этот Перси Джексон», и всякое такое. Но Пол прекрасно меня знает. Он видел, как я разрубаю пополам демонов и выпрыгиваю из горящего здания школы, так что он решил: если я проеду на его тачке две-три сотни ярдов, то особого вреда от этого не будет.

Ну, в общем, сели мы с Рейчел в машину. Стоял жаркий августовский день. Рыжие волосы Рейчел были стянуты сзади в хвостик, а поверх купальника она надела белую рубашку. Я всегда видел ее только в потрепанных футболках и заляпанных краской джинсах, а теперь она выглядела... ну просто на сто миллионов золотых драхм.

— Остановись-ка вон там, — сказала она.

Мы остановились на гребне, откуда открывался прекрасный вид на Атлантику. Море — одно из самых моих любимых мест на свете, но сегодня тут было особенно здорово: сверкающая бирюза, ровная, как стекло, словно мой отец решил выровнять для нас океан.

Да, кстати, моего отца зовут Посейдон. И он в таких делах большой умелец.

— Ну, — улыбнулась мне Рейчел. — Так как насчет приглашения?

— Ах да...

Я попытался изобразить на лице живой интерес. Дело в том, что она пригласила меня на три дня в загородный дом их семейства в Сент-Томасе. Я не часто получал такие приглашения. У нас в семье на выходные принято снимать какую-нибудь развалюху на Лонг-Айленде, брать напрокат несколько фильмов и покупать две-три замороженные пиццы. А тут родители Рейчел были готовы принять меня на Карибском море.

К тому же мне просто необходимо было прийти в себя. Прошедшее лето было самым трудным в моей жизни, и не помешало бы отдохнуть несколько дней.

Но, с другой стороны, теперь в любой день могло случиться что-нибудь очень важное. Меня могли вызвать в любую минуту. Хуже того, на следующей неделе был день моего рождения, и у меня никак не выходило из головы пророчество, утверждавшее: в момент, когда мне исполнится шестнадцать лет, случится нечто ужасное.

— Перси, — продолжала Рейчел, — я знаю, что время не самое подходящее. Но у тебя подходящего никогда не бывает.

Аргумент был веский.

— Нет, правда, я очень хочу поехать, — сказал я. — Просто...

— Война.

Я кивнул. Я не любил об этом распространяться, но Рейчел все знала. В отличие от большинства смертных она могла видеть сквозь Туман — ту волшебную завесу, которая искажает реальность для обычных людей. Она видела монстров. Она встречалась с другими полубогами, которые сражались против титанов и их союзников. Она присутствовала в тот

момент, когда разрубленный на мелкие части Кронос восстал из гроба в своем ужасном новом обличье. Тогда она заслужила мою вечную благодарность, засадив ему в глаз синей расческой.

Рейчел положила ладонь мне на руку.

— Ты подумай, ладно? Мы уезжаем через пару дней. Мой папа... — Она замаялась.

— Он что, житья тебе не дает? — спросил я.

— Он пытается быть со мной добрым, а это еще хуже. — Рейчел с отвращением тряхнула головой. — Он хочет, чтобы я осенью поступила в женскую академию Кларин.

— Это школа, где училась твоя мать?

— Это такая дурацкая школа-пансион для богатых девочек аж в самом Нью-Гемпшире.

Ты меня представляешь в школе-пансионе?

Я согласился, что это и в самом деле очень глупо. Рейчел была задействована в разных городских художественных проектах, она кормила бездомных, участвовала в маршах протеста под лозунгом «Спасем исчезающего желтобрюхого дятла-сосуна» и во всяких подобных мероприятиях. Я никогда не видел ее в платье, а представить ее в пансионе с благовоспитанными девочками — вообще немыслимо.

Рейчел вздохнула.

— Он считает, что если будет меня ублажать, то я почувствую себя виноватой и сдамся.

— И поэтому он позволил пригласить меня?

— Да... но, Перси, ты этим самым оказал бы мне огромную услугу. Если бы ты поехал с нами, все было бы гораздо лучше. И потом, мне нужно поговорить с тобой кое о чем... — Рейчел внезапно замолчала.

— Ты хочешь со мной о чем-то поговорить? — спросил я. — Ты хочешь сказать, это настолько серьезно, что мы для этого разговора должны ехать в Сент-Томас?

Рейчел надула губы.

— Слушай, забудь об этом... пока. Давай сделаем вид, что мы совершенно нормальные люди. Мы поехали прокатиться, мы смотрим на океан, и нам хорошо вместе.

Я видел, что-то ее мучает, но Рейчел одарила меня храброй улыбкой. В солнечных лучах волосы у нее словно огнем горели.

Этим летом мы много времени проводили вместе. Не то чтобы это входило в мои планы, но чем более напряженной становилась обстановка в лагере, тем сильнее мне хотелось позвонить Рейчел и удрать на какое-то время, чтобы вздохнуть полной грудью. Мне необходимо было напоминать себе, что мир смертных оставался здесь, рядом, и там не обитали монстры, которые рассматривали меня в качестве своей персональной боксерской груши.

— Хорошо, — сказал я. — Обычный день и два обычных человека.

Рейчел кивнула.

— И потому... гипотетически, если эти двое нравятся друг другу, то чего стоит глупому парню поцеловать девушку?

— О-о... — Я почувствовал себя одной из священных коров Аполлона — неповоротливым, туповатым и пунцовым от смущения. — Гм...

Не стану делать вид, будто я не думал о Рейчел. С ней было намного проще, чем... ну, чем с другими моими знакомыми девчонками. Мне не приходилось из кожи вон лезть, или следить за своими словами, или ломать голову, пытаясь сообразить, что она думает. Рейчел ничего не скрывала. Она обо всем говорила напрямик.

Не знаю, что бы я сделал... однако я был настолько ошарашен, что даже не заметил, как с небес свалилась какая-то черная громадина и всеми четырьмя копытами с оглушительным стуком и скрежетом приземлилась на капот «тойоты».

«Привет, босс, — сказал голос у меня в голове. — Хорошая машина».

Пегас Пират был моим старым приятелем, а потому я не слишком расстроился из-за вмятин, что он оставил на капоте.

«Правда, — подумал я, — Пол Блофис от них в восторг не придет».

— Пират, — вздохнул я, — что ты...

И тут я увидел, кто восседает у него на спине, и понял, что день у меня будет посложнее, чем я думал поначалу.

— Привет, Перси!

Чарльз Бекендорф, староста домика Гефеста, был большим специалистом по монстрам — они, едва завидев его, разбежались с криком: «Ой, мамочка!» Бекендорф — здоровенный афроамериканец с громадными мускулами, которые он каждое лето накачивает в кузнице. Он на два года старше меня и считается в лагере лучшим специалистом по изготовлению доспехов. Также он делал и довольно серьезные механические штучки разного рода. Месяцем ранее Бекендорф подбросил бомбу с греческим огнем в туалет автобуса, перевозящего монстров. И как только первая гарпия спустила воду в унитазе, целый легион злобных тварей взлетел на воздух — подарок Кроносу.

На Бекендорфе были боевые доспехи — бронзовый нагрудник и шлем, — камуфляжные штаны, а на боку — меч. На плече у него висел мешок со взрывчаткой.

— Время пришло? — спросил я.

Он мрачно кивнул.

В горле у меня образовался комок. Я знал, что это неизбежно. Мы неделями планировали наши действия, но я все же втайне надеялся, что этого не случится.

— Привет, — сказала Рейчел, глядя на Бекендорфа.

— Здорово! Меня зовут Бекендорф. А ты, наверное, Рейчел. Перси мне рассказывал... то есть он упоминал о тебе.

Рейчел подняла бровь.

— Правда? Отлично. Значит, я так понимаю, вы, ребята, теперь должны отправляться спасать мир.

— Вот именно, — подтвердил Бекендорф.

Я беспомощно посмотрел на Рейчел:

— Ты скажешь моей матери?..

— Я ей скажу. Она наверняка привыкла к таким делам. И я скажу Полу насчет капота.

Я благодарно кивнул, полагая, что больше Пол мне свою машину никогда не даст.

— Удачи! — И тут Рейчел поцеловала меня, я и глазом не успел моргнуть. — Ну, отправляйся в путь, полукровка. Убей для меня несколько монстров.

Я в последний раз посмотрел на нее: она сидела на переднем пассажирском сиденье «тойоты», скрестив руки и глядя на Пирата, который поднимался все выше и выше, унося в небеса меня и Бекендорфа. Я спрашивал себя, о чем Рейчел хотела поговорить со мной и удастся ли мне когда-нибудь узнать об этом.

— Ну, — сказал Бекендорф, — я так понимаю, ты не хочешь, чтобы я описывал эту сценку Аннабет.

— О боги, — пробормотал я. — И думать об этом не смей!

Бекендорф фыркнул, и мы понеслись над Атлантикой.

Когда мы увидели нашу цель, уже почти стемнело. «Принцесса Андромеда» сияла огнями на горизонте — огромный круизный лайнер, залитый желтым и белым светом. Издалека можно было подумать, что это обычный пассажирский корабль, а не штаб повелителя титанов. Но когда мы подлетели поближе, стала видна гигантская носовая фигура — темноволосая дева в греческом хитоне, закованная в цепи. На лице у нее застыло выражение ужаса, словно она чувствовала зловоние всех монстров, которых вынуждена была терпеть у себя за спиной.

У меня внутри все похолодело, когда я снова увидел этот корабль. Два раза я едва не погиб на «Принцессе Андромеде», а теперь корабль направлялся прямо в Нью-Йорк.

— Ты помнишь, что нужно делать? — перекрикивая ветер, спросил у меня Бекендорф.

Я кивнул. Мы тренировались в гавани Нью-Йорка с холостыми бомбами, используя в качестве полигона брошенные корабли. Я знал, как мало времени у нас будет. Но еще я знал, что другой такой возможности предотвратить вторжение Кроноса нам не представится.

— Пират, — велел я, — опусти нас на самую нижнюю кормовую палубу.

«Понял, босс, — ответил Пират. — Ух, как мне не нравится этот корабль!»

Три года назад Пират оказался в рабстве на «Принцессе Андромеде» и бежал оттуда, только когда мы с друзьями немного ему помогли. Я так думаю, он скорее предпочел бы, чтобы ему расчесали гриву, как у Моего Маленького Пони^[1], чем снова оказаться здесь.

— Не жди нас, — сказал я ему.

«Но, босс...»

— Ты уж мне поверь — мы сами оттуда выберемся.

Пират сложил крылья и спикировал на корабль, как черная комета. Ветер свистел у меня в ушах. Я видел монстров, охраняющих верхнюю палубу корабля: дракониц или женщин-змей, адских гончих, великанов и человекообразных морских демонов — наполовину людей, наполовину морских львов, — называемых тельхинами. Однако мы так быстро пронеслись мимо, что никто из них не поднял тревогу. Мы приблизились к корме, Пират распростер крылья, после чего мягко приземлился на нижнюю палубу. Я спрыгнул с него, подавляя подступившую тошноту.

«Удачи, босс, — сказал Пират. — Смотри, чтобы они не отправили тебя на корм лошадям!»

С этими словами мой старый друг исчез в ночи. Я извлек из кармана авторучку, снял с нее колпачок, и мой меч Анаклузмос вытянулся до полного размера — метр смертоносной небесной бронзы.

Бекендорф вытащил из кармана клочок бумаги. Мне показалось, что это карта или что-нибудь в этом роде, но потом я понял: это фотография. Он разглядывал ее в полутьме — улыбающееся лицо Силены Боргард, дочери Афродиты. Они начали встречаться с прошлого лета, хотя все уже не один год им говорили: «Чего вы дурака валяете — вы ведь нравитесь друг другу!» Теперь, даже отправляясь в опасные экспедиции, Бекендорф казался счастливым, как никогда.

— Мы обязательно вернемся в лагерь, — сказал я ему.

В его глазах мелькнула тревога, но потом он уверенно улыбнулся и убрал фотографию.

— Кто бы сомневался, — сказал он. — Ну что, идем порвем Кроноса на части?

Бекендорф шел впереди. Мы проследовали по узкому коридору до служебного трапа — точно как на учениях, но, услышав наверху шум, замерли.

— Мне плевать, что там говорит твой нос, — прорычал получеловечий-полусобачий голос, так говорили тельхины. — Когда ты в последний раз почуял полукровку, на деле это оказался мясной рулет!

— Мясные рулеты — отличная штука, — визгливым лаем отозвался второй голос. — Но сейчас я чую запах полукровок. Они на борту, уж можешь мне поверить.

— Зато у тебя мозги не на борту, это точно.

Они продолжили препирательства, а Бекендорф тем временем показал вниз. Мы спустились, стараясь не шуметь. Два этажа вниз — и голоса тельхинов стали едва слышны. Наконец мы оказались перед металлической крышкой люка. Бекендорф одними губами произнес: «Машинное отделение».

Люк был заперт, но Бекендорф вытащил из своего рюкзака кусачки и перерезал дужку замка, словно та была из масла.

Внутри вращались и гудели желтые турбины размером с элеватор. Противоположная стена была утыкана манометрами и компьютерными мониторами. За одной из консолей, сутулясь, сидел тельхин, но он был так погружен в работу, что не заметил нас. Экземпляр ростом метра полтора, на коротких ножках, все его тело покрывал гладкий лоснящийся мех, как у морского льва. Голова — как у добермана, а вот руки хоть и когтистые, но вполне человеческие. Тельхин тюкал пальцами по клавиатуре, периодически порывивая, и что-то бормотал. Может, переписывался с друзьями в чате на uglyface.com.

Я сделал шаг вперед, и он напрягся, вероятно почуяв что-то неладное. Тельхин прыгнул вбок к большой красной тревожной кнопке, но я преградил ему путь. Он зашипел и бросился на меня, но один удар Анаклузмосом — и тельхин, взорвавшись, рассыпался в прах.

— Один — ноль, — констатировал Бекендорф. — Осталось еще тысяч пять.

Он сунул мне в руки контейнер с густой зеленоватой жидкостью — греческим огнем, одним из самых опасных волшебных веществ в мире. Потом Бекендорф бросил мне еще один необходимый инвентарь героев-полубогов — клейкую ленту.

— Закрепи этот на консоли, — сказал он. — А я займусь турбинами.

Мы принялись за дело. В помещении было жарко и влажно, и через несколько минут мы вспотели так — хоть выжимай.

Корабль продолжал плыть вперед. Я, как сын Посейдона, прекрасно ориентировался в море. Не спрашивайте меня, как я это определил, но я точно знал, что мы находимся на $40^{\circ}19'$ северной широты и $71^{\circ}09'$ западной долготы и движемся со скоростью восемнадцать узлов, а это означало, что корабль прибудет в Нью-Йорк с рассветом. Другой возможности остановить врага нам не представится.

Не успел я прикрепить второй контейнер с греческим огнем к пульту управления, как раздался топот множества ног по металлическим ступеням — вниз спешило такое количество монстров, что я слышал их даже за ревом двигателей. Плохо дело!

Я поймал взгляд Бекендорфа.

— Сколько еще?

— Долго. — Он постучал пальцем по своим часам, которые служили дистанционным взрывателем. — Мне нужно еще подключить приемник и установить запалы. Минут десять — минимум.

Судя по приближающемуся топоту, у нас оставалось секунд десять.

— Я их отвлеку, — решил я. — Встретимся в назначенном месте.

— Перси...

— Пожелай мне удачи!

Кажется, Бекендорф хотел возразить — ведь весь план операции строился на том, что мы высаживаемся, делаем дело и уходим незамеченными. Но теперь приходилось импровизировать.

— Удачи, — сказал он.

Я бросился к двери.

По лестнице бежало с полдюжины тельхинов. Я прорубился сквозь них Анаклузмосом — они и пикнуть не успевали, обращаясь в прах. Я помчался наверх, пролетел мимо еще одного тельхина, который так испугался, что даже выронил свою коробочку с обедом от «Маленького демона». Этого я оставил живым, отчасти потому, что обед его уже остыл, отчасти — чтобы он мог поднять тревогу и, возможно, броситься вместе со своими друзьями следом за мной, а не в машинное отделение.

Я выскочил через дверь на шестую палубу и понесся по ней. Этот устланый ковром коридор наверняка прежде был шикарнее некуда, но за три года, что тут хозяйничали монстры, обои, ковры и двери в каюты приобрели ужасающий вид — все исцарапанное, покрытое слизью, словно вы попали в глотку дракона (к несчастью, это сравнение основано на личном опыте).

В тот раз, когда я впервые побывал на «Принцессе Андромеде», мой старый враг Лука для маскировки оставил на борту несколько сбитых с толку туристов, застив им глаза Туманом так, что они даже не поняли, что находятся на корабле, захваченном монстрами. Но теперь никаких следов туристов я не увидел. Мне не хотелось думать о том, что с ними случилось, но я сильно сомневался, что их отпустили домой с выигрышами по лотерейным билетам.

Я добрался до прогулочной палубы с огромным супермаркетом и остановился как вкопанный. В середине внутреннего двора находился фонтан, а в фонтане сидел гигантский краб.

Когда я говорю «гигантский», то не имею в виду краба, выловленного на Аляске, за 7 долларов 99 центов. Я имею в виду действительно гигантского краба размером больше фонтана. Это чудовище на три метра возвышалось над водой. У него были крапчатый синезеленый панцирь и клешни длиннее моего тела.

Если вы когда-нибудь видели крабью пасть, такую пузырчатую, покрытую усиками и пощелкивающую, то можете себе представить, что эта пасть, размером с рекламный щит, выглядела ничуть не лучше. Глаза-бусинки краба уставились на меня, и я уловил в них разум — и ненависть. То, что я был сыном морского бога, не добавляло мне очков.

— Ш-ш-ш-ш, — прошипел монстр, из его пасти капала морская пена.

Воняло от него, как от мусорного бачка с кучей рыбных палочек, который целую неделю выдерживали на солнце.

Зазвучал сигнал тревоги. Скоро здесь появится большая компания, а потому мне нужно было сматываться.

— Эй, ракообразное! — Я направился вокруг фонтана по самому краю двора. — Я тут тебя обойду, так что ты...

Краб тут же обрел невероятную скорость. Он мигом выбрался из фонтана и, щелкая

клешнями, бросился прямо на меня. Я нырнул в сувенирный магазин, где чуть не своротил стойку с висящими на ней футболками. Краб клешнями расколошматил в мелкие дребезги стеклянную стену и понесся за мной. Я, тяжело дыша, бросился назад, но краб развернулся и погнался за мной.

— Вот он! — раздался надо мной голос с балкона. — Враг!

Если я хотел отвлечь их внимание, то мне это удалось, но вот только вступать с ними в схватку в этом месте у меня не было желания. Если меня схватят здесь, то краб просто-напросто мной пообедаст.

Это дьявольское отродье кинулось на меня. Я взмахнул Анаклузмосом и отрубил ему кончик клешни. Он зашипел, брызгая пеной, но, похоже, покалечил я его не сильно.

Я попытался припомнить что-нибудь из прежних историй — авось поможет. Аннабет рассказывала мне о чудовищном крабе, что-то о том, как Геракл раздавил его ногой. Но здесь такой подход не работал. Этот краб был чуточку побольше моих кроссовок.

И тут мне в голову пришла одна умная мысль. На прошлое Рождество мы с мамой повезли Пола Блофиса в наш старый домик в Монтауке — мы туда уже целую вечность ездили. Пол повел меня ловить крабов, и когда мы вытащили сеть, полную этих тварей, он показал мне, где у краба слабое место в панцире — точно в центре его уродливого брюшка.

Вот только как добраться до этого брюшка?!

Я кинул взгляд на фонтан, потом — на мраморный пол, на котором остались осклизлые крабьи следы, затем вытянул руку, сосредотачиваясь на воде, и фонтан взорвался. Вода брызнула во все стороны — на высоту трех этажей. Окропила лифты, балконы, окна магазинов. Краб и усом не повел. Он любил воду. Он подбирался ко мне боком, щелкал клешнями и шипел, а я побежал прямо на него с криком: «А-а-а!»

Перед тем как мы столкнулись, я на бейсбольный манер шлепнулся на землю и заскользил по мраморному полу прямо ему под брюхо. Да... это все равно что залезть под семитонный бронетранспортер! Крабу и всего только нужно было присесть — от меня бы одно мокрое место осталось, но прежде чем он понял, что происходит, я вонзил Анаклузмос ему в брюхо, потом отпустил рукоятку меча, оттолкнулся и выскользнул из-под краба сзади.

Монстр задрожал и зашипел. Его глаза растворились, панцирь покраснел, внутренности испарились... Через секунду пустой панцирь всей своей массой рухнул на пол.

У меня не было времени восхищаться проделанной работой. Я бросился к ближайшей лестнице, вокруг раздавались командные выкрики, бряцанье оружия — появлялись новые монстры и полубоги. Руки мои были пусты. Анаклузмос благодаря своим волшебным свойствам рано или поздно должен снова оказаться у меня в кармане, но пока он покоился под останками краба и доставать его мне было некогда.

На восьмой палубе перед лифтом путь мне преградила пара дракониц. Выше талии они были женщинами с зеленой чешуйчатой кожей, желтыми глазами и раздвоенными языками. Ниже талии вместо ног находились двойные змеиные туловища. В руках драконицы держали трезубцы и сети с грузилами, а я по опыту знал, что пользоваться этими штуками они умеют.

— Это шшшто такое? — прошипела одна. — Подарок для Кроноссса?

У меня не было никакого желания играть тут с ними в укротителя змей. Передо мной стоял стенд с моделью корабля, наподобие информационных щитов «Ты здесь»^[2]. Я сорвал модель с подставки и швырнул ее в первую драконицу. Кораблик попал ей в физиономию, и она свалилась на палубу. Я перепрыгнул через нее, схватился за копьё ее подружки и крутанул так, что та улетела в лифт. А я побежал на нос корабля.

— Взять его! — завизжала сзади драконица.

До меня доносился лай адских гончих. В дюйме от моего лица просвистела стрела и вонзилась в стенную панель черного дерева. Но мне было наплевать: я отвлекал монстров от машинного отделения и давал время Бекендорфу сделать свое дело.

Когда я бежал вверх по лестнице, навстречу мне попался парнишка. Вид у него был такой, будто он еще толком не проснулся. Он успел натянуть на себя только половину доспехов. Парнишка вытащил меч и заорал: «Кронос!» Но в его голосе слышался скорее испуг, чем боевой кураж. Ему было не больше двенадцати — приблизительно в таком возрасте я впервые приехал в Лагерь полукровок.

От этой мысли мне стало нехорошо на сердце. Этому парню промыли мозги — научили ненавидеть богов и махать мечом, потому что он родился наполовину олимпийцем. Кронос бесцеремонно использовал его в своих целях, но парнишка считал меня своим врагом.

Нет, я ни в коем случае не хотел покалечить или ранить его. Оружие в этой ситуации мне не требовалось. Я приблизился к нему, ухватил за запястье и ударил о стену, вышибая меч из его руки.

А потом я сделал то, что вовсе и не собирался. Наверное, это было глупо и явно ставило под угрозу нашу миссию, но я ничего не мог с собой поделать.

— Если хочешь жить, — сказал я ему, — немедленно беги с этого корабля. И скажи другим полубогам. — С этими словами я толкнул его, и он полетел кубарем вниз.

А я продолжил путь наверх.

Тут меня охватили плохие воспоминания: коридор проходил через кафетерий. Аннабет, мой единокровный брат Тайсон и я побывали здесь три года назад во время моего первого посещения корабля.

Я выбежал на главную палубу. Слева по борту небеса теряли багряный оттенок и затягивались чернотой. Между двумя стеклянными башнями, на которых виднелись балконы и рестораны, сверкал бассейн. Вся верхняя часть корабля выглядела устрашающе опустевшей.

Мне оставалось только перебежать к другому борту и оттуда спуститься на вертолетную посадочную площадку — месту встречи, оговоренному на случай чрезвычайных обстоятельств. Если повезет, мы там встретимся с Бекендорфом и прыгнем в море. Моя способность ладить с водой защитит нас обоих, а отплыв на полмили, мы дистанционно взорвем заряды.

Я уже пересек половину палубы, когда звук чьего-то голоса заставил меня замереть:

— Ты опоздал, Перси.

Надо мной на балконе стоял Лука, на его пересеченном шрамом лице играла улыбка. На нем были джинсы, белая футболка, пляжные шлепанцы — ни дать ни взять обычный студент. Только глаза, словно бы отлитые из золота, выдавали его.

— Мы тебя давно ждем. — Поначалу он, казалось, говорил нормально, как Лука. Но потом его лицо стало подергиваться. По телу прошла дрожь, словно он выпил какую-то гадость, голос стал гуще, в нем слышались мощь и седая древность — это был голос владыки титанов Кроноса. Его слова будто ножом резанули меня по спине. — Склонись передо мной!

— Да-да, держи карман шире, — пробормотал я.

По обеим сторонам бассейна появились великаны лестригоны, они словно ждали сигнала. Каждый был высотой в два с половиной метра, на руках татуировки, на груди кожаные доспехи, в руках палицы. На крыше над Лукой появились лучники-полубоги. С противоположного балкона прыгнули две адские гончие и зарычали на меня. За считанные

секунды я был окружен. Западня! Они не смогли бы собраться все здесь так быстро, если бы не ждали меня заранее.

Я посмотрел на Луку, и гнев закипел у меня в груди. Я даже не знал, осталась ли хоть капля его прежнего сознания внутри этого тела. Может быть, его голос так изменился, а может, просто Кронос приспособлялся к своей новой форме. Я сказал себе, что это не имеет значения. Луку обуяли зависть и злоба задолго до того, как Кронос завладел им.

Голос у меня в голове сказал: «Тебе так или иначе придется сразиться с ним. Так почему не сейчас?»

По великому пророчеству я в шестнадцать лет должен был сделать выбор, который спасет или погубит мир. До шестнадцатилетия мне оставалась неделя. Так почему не теперь? Если у меня и в самом деле такая судьба, то какое значение может иметь одна неделя? Я мог покончить с этой угрозой прямо здесь, разделавшись с Кроносом. Что, разве я не сражался с монстрами и богами раньше?

Лука, словно прочтя мои мысли, улыбнулся. Нет, это был Кронос. Я должен помнить это.

— Ну, иди ко мне, — сказал он. — Если не трусишь.

Толпа монстров раздалась. Я двинулся вверх по лестнице. Сердце у меня колотилось. Я ждал удара ножом в спину, но они позволили мне пройти. Я засунул руку в карман и обнаружил там мою авторучку, снял колпачок — и Анаклузмос превратился в меч.

В руках у Кроноса появилось оружие — двухметровая коса наполовину из небесной бронзы, наполовину из смертоносной стали. Да, от одного только вида этой штуки мои колени начали подгибаться. А потому, чтобы не передумать, я бросился в атаку.

Время замедлилось. В буквальном смысле, потому что Кронос обладал такой способностью — менять ход времени. Мне казалось, будто я двигаюсь в сиропе. Руки у меня стали такими тяжелыми, что я едва мог удержать меч. Кронос улыбнулся и взмахнул косой с обычной скоростью, ожидая, когда я доползу до своей смерти.

Я попытался воспротивиться его колдовству и сосредоточился на море вокруг меня — ведь море было источником моей силы. С годами мне удавалось делать это все лучше и лучше, но теперь ничего не получалось.

Я сделал еще один шаг вперед. Великаны издевательски засмеялись. Смех дракониц походил на шипение.

«Океан, — взмолился я, — ну что тебе стоит?!»

Внезапно меня чуть не скрутило от боли внутри. Весь корабль наклонился набок, и монстры попадали с ног. Из бассейна выплеснулось четыре тысячи галлонов соленой воды; я, Кронос и все на палубе вымокли с головы до ног. Вода вернула меня к жизни, разрушив колдовство времени, и я бросился вперед.

Я нанес удар Кроносу, но резвость еще не вернулась ко мне в полной мере. Я совершил ошибку — посмотрел в его лицо, в лицо Луки, когда-то бывшего моим другом. И хотя я его ненавидел, убить его мне было трудно.

У Кроноса же никаких сомнений не имелось. Он взмахнул косой. Я отпрыгнул назад, и опасный металл прошел в миллиметре от меня, вырвав щепу из доски в палубе между моих ног.

Я лягнул Кроноса в грудь. Он подался назад, но оказался тяжелее, чем должен был быть Лука. Ощущение — словно я лягнул холодильник.

Кронос снова взмахнул косой. Я перехватил ее Анаклузмосом, но удар был настолько

сильным, что мой клинок смог только изменить его направление. Кончик косы вырвал кусок моего рукава и поцарапал предплечье. Порез не мог быть серьезным, но вся эта сторона моего тела взорвалась от боли. Я вспомнил, что один тельхин как-то раз сказал мне о косе Кроноса: «Осторожнее, дурачок. Одно прикосновение — и эта сталь отделит твою душу от тела». Теперь я понял смысл его слов. Дело было не в потере крови. Я чувствовал, как меня покидают силы, воля, как я теряю свое собственное «я».

Я, спотыкаясь, отступил, перебросил меч из правой руки в левую и отчаянно бросился вперед. Мой клинок должен был пронзить его насквозь, но лезвие отскочило от живота титана, словно тот был из мрамора. Кронос ни в коем случае не должен был остаться в живых после такого удара.

Но Кронос рассмеялся.

— Очень плохо, Перси Джексон. Лука говорит, что в искусстве фехтования ты никогда не мог с ним сравниться.

В глазах у меня помутилось. Я знал, что времени остается мало.

— Лука все время задирал нос, — сказал я. — Но у него, по крайней мере, была собственная голова на плечах.

— Жаль тебя убивать до того, как окончательный план будет реализован, — размышляя вслух, сказал Кронос. — Мне бы хотелось увидеть ужас в твоих глазах, когда ты поймешь, как я собираюсь уничтожить Олимп.

— Ты никогда не доберешься на этой посудине до Манхэттена. — Рука моя пульсировала болью, в глазах мелькали черные точки.

— Это еще почему? — Золотые глаза Кроноса сверкали. Его лицо — лицо Луки — казалось похожим на маску, неестественную, подсвеченную изнутри какой-то злобной энергией. — Может быть, ты рассчитываешь на своего дружка со взрывчаткой?

Он посмотрел вниз на бассейн и позвал:

— Накамура!

Парнишка в полном греческом доспехе протиснулся сквозь толпу. На левом глазу у него была повязка. Конечно же, я знал его: Эфан Накамура, сын Немезиды. Прошлым летом я спас ему жизнь в Лабиринте, а этот маленький мерзавец в благодарность помог Кроносу вернуться к жизни.

— Все в порядке, повелитель, — доложил Эфан. — Мы его нашли, как вы и велели.

Он хлопнул в ладоши, и вперед вышли два великана, волоча за собой Чарльза Бекендорфа. Сердце у меня едва не остановилось. Один глаз у Бекендорфа распух, руки и лицо в царапинах. Доспехи его исчезли, а рубашка была почти вся разорвана.

— Нет! — выкрикнул я.

Бекендорф встретил мой взгляд. Он посмотрел на свою руку, словно хотел что-то мне сказать. Его часы. Они еще оставались на нем, а в них — детонатор. Успел ли он установить взрыватели? Но эти монстры наверняка должны были их снять.

— Мы нашли его в трюме корабля, — сказал один из великанов. — Он пытался проскользнуть в машинное отделение. Можно, мы его теперь съедим?

— Уже скоро, — отозвался Кронос, с прищуром посмотрев на Эфана. — Ты уверен, что он не поставил взрыватели?

— Он шел в направлении машинного отделения, повелитель.

— Откуда тебе это известно?

— Гм... — Эфан неловко переминался с ноги на ногу. — Он шел в том направлении. И

потом, он сам нам сказал. У него рюкзак набит взрывчаткой.

Истина медленно стала открываться мне. Бекендорф провел их. Поняв, что его схватят, он сделал вид, что направляется в другую сторону. Он убедил их, что еще не успел заминировать машинное отделение. Греческий огонь все еще можно было привести в действие. Но пока мы оставались на корабле, нам это не сулило ничего хорошего. Если бы нам удалось обратиться с него — тогда другое дело.

Кронос колебался.

«Ну, купишь ты на это!» — молча умолял я.

Рука у меня так болела, что я едва стоял.

— Открой рюкзак, — приказал Кронос.

Один из великанов сорвал мешок со взрывчаткой со спины Бекендорфа. Заглянув внутрь, он зарычал и вывернул мешок наружу. Монстры в панике отхлынули в стороны. Если бы мешок и в самом деле был набит сосудами с греческим огнем, то мы все взлетели бы на воздух. Но оттуда вывалился лишь десяток банок с персиками.

Я слышал, как тяжело дышит Кронос, пытаясь подавить гнев.

— Может быть, вы схватили этого полубога у камбуза?

— Гм... — Эфан побледнел.

— И может быть, вы послали кого-нибудь проверить машинное отделение?!

Эфан в ужасе подался назад, потом повернулся и бросился прочь.

Я молча выругался. Теперь до того, как бомбы будут обезврежены, оставались считанные минуты. Я снова поймал взгляд Бекендорфа и задал безмолвный вопрос, надеясь, что он поймет: «Какая задержка?»

Он сложил большой и указательный пальцы кружком — нуль. Таймер детонатора был установлен без задержки. Если ему удастся нажать кнопку, корабль мгновенно взлетит на воздух. А уйти далеко, до того как будет нажата кнопка, мы не сможем. Монстры прежде убьют нас или обезвредят заряды. Или и то и другое.

Кронос повернулся ко мне с кривой улыбкой.

— Тебе придется извинить моих неумелых помощников, Перси Джексон, но это не имеет значения. Ты теперь у нас в руках. Нам уже несколько недель было известно, что ты появишься здесь.

Он протянул руку и показал маленький серебряный браслет с брелком в виде косы — символа повелителя титанов.

Рана в предплечье лишала меня способности думать, но я пробормотал:

— Устройство связи... шпион в лагере...

Кронос ухмыльнулся.

— Нельзя полагаться на друзей. Они непременно тебя подведут. Луке тяжело дался этот урок. А теперь брось свой меч и сдавайся. Иначе твой друг умрет.

Я проглотил слюну. Один из великанов обхватил Бекендорфа рукой за шею. Я был не в состоянии его спасти, но даже если бы попробовал, он умер бы, прежде чем я добрался до него. Мы оба умерли бы.

Бекендорф одними губами произнес: «Уходи!»

Я покачал головой. Я не мог бросить его.

Второй великан продолжал перебирать банки с персиками, а это означало, что левая рука Бекендорфа свободна. Он медленно поднял ее, поднося к часам на правой руке.

Я хотел закричать: «Нет!»

Потом у бассейна раздалось шипение одной из дракониц:

— Шшшшш что он делает? Шшшшш что это у него на руке?

Бекендорф крепко зажмурил глаза и накрыл ладонью часы.

Выбора у меня не оставалось. Я бросил мой меч в Кроноса, словно это был не меч, а дротик, и тот, не причинив Кроносу вреда, отскочил от его груди. Однако это напугало его. Я мигом протиснулся через толпу чудовищ и спрыгнул за борт в воду с высоты тридцать футов.

В чреве корабля раздался грохот. Монстры что-то кричали мне вслед. В бедро ударила стрела, но у меня даже не было времени почувствовать боль. Я нырнул и приказал потокам унести меня вниз как можно дальше — на пятьдесят метров, на сто метров.

Но даже и на таком расстоянии я почувствовал, как мир сотряс взрыв. Мой затылок обожгло. «Принцесса Андромеда» взорвалась с двух сторон, в черное небо выплеснулся громадный шар зеленого пламени, пожирая все вокруг.

«Бекендорф...» — подумал я.

После этого я вырубился и пошел на дно, как сброшенный с корабля якорь.

Глава вторая

Знакомство с подводной родней

Сны полубогов — это полный отстой.

Дело в том, что это, в общем-то, и не сны. Это всякие видения, предзнаменования и прочая подобная мистика — меня от нее прямо с души воротит.

Мне снилось, что я нахожусь в каком-то темном дворце на вершине горы. К сожалению, я узнал его: дворец титанов на вершине горы Отрис, иначе известной как гора Тамалпаис в Калифорнии. Главный зал, обставленный по периметру черными греческими колоннами и статуями титанов, не имел потолка, тут царила вечная ночь. В черном мраморе, покрывавшем пол, отражался свет факелов. В центре помещения под грузом вихрящейся воронкообразной тучи горбился титан в доспехах — Атлас, поддерживающий небо.

Другие великаны стояли вблизи бронзовой жаровни, разглядывая изображения, появляющиеся в пламени.

— Ничего себе взрывчик, — сказал один из них.

На нем были черные доспехи с серебряными заклепками, напоминавшие ночное небо. Лицо его скрывалось под шлемом, из которого торчали изгибающиеся бараньи рога.

— Это не имеет значения. — На этом титане были золотые одеяния, а смотрел он золотыми, как у Кроноса, глазами. Все его тело светилось. Он напомнил мне Аполлона, бога солнца, только свет, исходящий от титана, был резче, а выражение его лица жестче. — Боги ответили на вызов. Скоро они будут уничтожены.

На изображения в огне смотреть было нелегко: шторма, рушащиеся здания, люди, кричащие от ужаса...

— Я отправлюсь на Восток, чтобы собрать наши силы, — сказал золотистый титан. — Криос, ты останешься и будешь охранять гору Отрис.

Детина с рогами хмыкнул:

— Мне всегда достается самая глупая работа. Я, владыка Юга, владыка созвездий, должен быть нянькой при Атласе, пока вы там будете веселиться.

— Отпустите меня, проклятие на ваши головы! — завопил изнывающий под грузом туч Атлас. — Я величайший из воинов. Снимите с меня этот груз, чтобы я мог сражаться!

— Тихо! — зарычал золотистый титан. — У тебя была возможность, Атлас. Но ты потерпел поражение. Кронос хочет, чтобы ты оставался на своем месте. Что касается тебя, Криос, то ты должен исполнять свой долг.

— А если тебе понадобится больше воинов? — спросил Криос. — От нашего племянничка, этого предателя в смокинге, во время сражения будет мало проку.

Золотистый титан рассмеялся.

— О нем можешь не беспокоиться. И потом, боги вряд ли выдержат даже первую нашу атаку. Они и понятия не имеют, сколько у нас в запасе сюрпризов. Помяни мои слова, через несколько дней Олимп будет лежать в руинах, а мы встретимся снова, чтобы отпраздновать восход Шестой эпохи!

Золотистый титан взорвался языками пламени и исчез.

— Ну конечно, — проворчал Криос. — Он взрывается языками пламени, а я таскаю на себе эти дурацкие рога.

Потом сцена изменилась. Теперь я находился вне этого зала, прятался в тени греческих колонн. Рядом со мной стоял мальчик — он подслушивал, о чем говорят титаны. У него были темные шелковистые волосы, бледная кожа и темные одежды — мой друг Нико ди Анджело, сын Аида.

Он с мрачным выражением посмотрел на меня.

— Ну, Перси, ты понимаешь, что времени у тебя остается всего ничего? — прошептал он. — Ты и вправду думаешь, что справишься с ними без моего плана?

Его слова нахлынули на меня, как ледяные океанские течения, и я провалился в никуда.

— Перси? — проговорил низкий голос.

Было такое ощущение, словно мою голову завернули в фольгу и прожарили в микроволновке. Я открыл глаза и увидел над собой большую, нечетко вырисовывающуюся фигуру.

— Бекендорф? — с надеждой спросил я.

— Нет, братишка.

Фигура обрела четкость — передо мной находился циклоп: уродливое лицо, всклокоченные каштановые волосы, один большой, исполненный сочувствия карий глаз.

— Тайсон?

— А кто же еще? — Мой брат оскалил зубы в улыбке. — Слава богам, мозги у тебя работают.

Я не был так уж в этом уверен. Мое замерзшее тело словно парило в невесомости. Голос меня не слушался. Я слышал слова Тайсона, но правильнее было бы сказать, что я слышал вибрации у себя в голове, а не обычные звуки голоса.

Я сел, и пелена передо мной исчезла. Я находился на кровати, устланной сплетенными шелковистыми водорослями, в помещении, стены которого были отделаны витыми раковинами. На потолке висели светильники — жемчужины размером с баскетбольный мяч. Я был под водой.

Ну да, мне, как сыну Посейдона, это ничем не грозило. Я вполне могу дышать под водой, и даже одежда на мне не промокнет, если я этого не захочу. И все равно у меня чуть волосы не встали дыбом, когда в окошко вплыла акула-молот, посмотрела на меня, а потом так же спокойно выплыла из окна в противоположной стене.

— Где я?..

— В папином дворце, — ответил Тайсон.

При других обстоятельствах я бы обрадовался этому. Я никогда не посещал царство Посейдона, хотя многие годы мечтал об этом. Но теперь голова у меня раскалывалась от боли, а рубашка местами обгорела после взрыва. Раны на руке и ноге залечились (для этого мне достаточно пробыть некоторое время в океане), но я все еще чувствовал себя так, будто на мне потопталась команда регбистов-лестригонов.

— И как давно?..

— Мы нашли тебя вчера вечером, — сказал Тайсон. — Ты погружался на дно.

— А «Принцесса Андромеда»?

— Пошла на дно, — сообщил Тайсон.

— На борту был Бекендорф. Ты его не...

— Никаких следов Бекендорфа. — Тайсон нахмурился. — Мне очень жаль, братишка.

Я уставился в окно на темно-синюю воду. Бекендорф весной собирался поступить в

колледж. У него была подружка, много друзей, впереди — целая жизнь. Нет, не мог он так вот погибнуть. Может, ему, как и мне, удалось спрыгнуть с корабля. Но если он спрыгнул за борт, то что?.. Прыжок с тридцатифутовой высоты для него, в отличие от меня, был бы смертельным. Он, опять же, не смог бы удалиться от взрыва на достаточное расстояние.

В глубине души я знал, что он мертв. Он пожертвовал собой, чтобы уничтожить «Принцессу Андромеду», а я бросил его.

Я подумал о моем сновидении: титаны разговаривали о взрыве так, словно он не имел ни малейшего значения, Нико ди Анджело предупредил меня, что я никогда не возьму верх над Кроносом, если не воспользуюсь его планом — довольно опасным предприятием, от которого я вот уже целый год отказывался.

Далекий взрыв потряс помещение. Снаружи загорелся зеленый свет, отчего в море стало светло как днем.

— Это что еще такое? — спросил я.

На лице Тайсона появилось озабоченное выражение.

— Папа все объяснит. Идем — он мочит монстров.

Дворец Посейдона мог бы быть самым удивительным из мест, какие мне доводилось видеть, если бы не коснувшиеся его разрушения. Мы доплыли до конца длинного коридора и поднялись наверх по гейзеру. Когда мы воспарили над крышами, у меня перехватило дыхание... ну, если только дыхание может перехватывать под водой.

Дворец с его широкими дворами, садами и многоколонными беседками по размерам не уступал городу на Олимпе. В садах росли колонии кораллов и сияющих морских растений. Двадцать или тридцать зданий были построены из витых перламутровых раковин — белых, но переливающихся всеми цветами радуги. Взад-вперед носились рыбы и осьминоги. Дорожки усыпали сверкающие жемчужины, напоминающие рождественские огни.

Основной двор был заполнен воинами — водяными с рыбьими хвостами и другими, с человеческими туловищами, правда покрытыми синей кожей, чего я никогда прежде не видел. Некоторые ухаживали за ранеными. Другие затачивали копья и мечи. Один из них торопливо проплыл мимо нас. У него были ярко-зеленые глаза, сиявшие цветом неоновых трубочек, и зубы острые, как у акулы. Да, в «Русалочке» такого не увидишь.

За пределами основного двора возвышались мощные крепостные сооружения — башни, стены, стояли противоосадные орудия, но в основном все это было разрушено. Оставшаяся часть отливала странным зеленоватым светом. Этот свет я прекрасно знал — греческий огонь, который мог гореть даже под водой.

Дальше морское дно терялось в сумерках. Я видел всплески энергии, взрывы, вспышки, сопутствующие сражению двух армий. Обычный человек ничего бы не разглядел в этой темноте. Да что говорить — обычного человека просто раздавило бы такое давление воды, он умер бы здесь от переохлаждения. Даже мои теплочувствительные глаза не могли точно разобрать, что там происходит.

На краю дворцового комплекса взорвался храм с красной крышей, и языки пламени вместе с обломками неторопливо полетели над наружным садом. Сверху из темноты вынырнуло что-то громадное — кальмар размером с небоскреб. Он был окружен сверкающим облаком пыли... по крайней мере, мне это показалось пылью, пока я не разглядел, что это рой водяных, пытающихся атаковать монстра. Кальмар опустился на дворец и, взмахнув щупальцем, смял целую колонну воинов. Но тут на крыше одного из

самых высоких зданий сверкнула молния, поразившая гигантское головноное, и монстр растворился в воде, как пищевой краситель.

— Папа. — Тайсон указал туда, откуда ударила молния.

— Так это он? — Я внезапно исполнился надежды.

Мой отец был невероятно силен. Он был морским богом. Он мог запросто отразить это нападение. Не исключено, что он примет и мою помощь.

— Ты участвовал в сражении? — с трепетом спросил я у Тайсона. — С твоей циклопической силой и дубинкой ты, наверное, немало их голов покрошил?

Тайсон надулся, и я сразу понял, что задал плохой вопрос.

— Я тут... занимался починкой оружия, — пробормотал он. — Идем. Нужно найти папу.

Я понимаю, что это может показаться странным тому, у кого обычные родители, но я за свою жизнь видел отца всего четыре или пять раз и всегда лишь по несколько минут. Греческие боги не очень-то любят появляться на баскетбольных матчах своих чад. И все же я считал, что если увижу Посейдона, то узнаю его.

Я ошибался.

Крыша храма представляла собой большую открытую палубу, на которой был оборудован командный пункт. Мозаика на полу изображала точную карту дворца и прилегающего океана. Вот только это была подвижная мозаика. Цветные плитки, символизировавшие армии и морских чудовищ, перемещались по мере того, как менялась диспозиция. Здания, обрушавшиеся в реальности, обрушивались и на мозаике.

Вокруг мозаики, с мрачным видом следя за сражением, расположилось странное сообщество воинов, но ни один из них не был похож на моего отца. Я искал крупную фигуру, одетую в шорты и гавайскую рубашку, хорошо загоревшую и с черной бородой.

Никого похожего на отца среди этого сборища я не увидел. Был тут один водяной с двумя рыбьими хвостами вместо одного, с зеленой кожей, черными волосами, связанными сзади хвостиком, в нагруднике с жемчужинами. Выглядел он довольно молодо, хотя трудно определять возраст, если перед тобой не гуманоид. Поди разбери, сколько ему — то ли три года, то ли три тысячи. Рядом с ним стоял старик с пышной белой бородой и седыми волосами. Ноги его, казалось, подгибаются под весом доспехов. У него были зеленые глаза с веселыми морщинками в уголках, хотя сейчас он не улыбался. Он разглядывал карту, опираясь на большой металлический посох. Справа от него стояла прекрасная женщина в зеленых доспехах, с ниспадающими на плечи волосами. Из головы у нее торчали странные маленькие рожки, похожие на крабьи клешни. Был тут и дельфин — обычный дельфин, но он внимательно разглядывал карту.

— Дельфин, — сказал старик, — отправь Палемона и его акулий легион на западный фронт. Мы должны нейтрализовать этих левиафанов.

Дельфин говорил стрекочущим голосом, но я его понял.

«Да, владыка!» — ответил он и заспешил прочь.

Я недоуменно посмотрел на Тайсона, потом снова на старика.

Мне это казалось невероятным, но все же я позвал:

— Папа...

Старик поднял на меня взгляд. Я узнал блеск в его глазах, но вот лицо... вид у него был такой, будто он состарился на сорок лет.

— Привет, Перси.

— Что... с тобой случилось?

Тайсон толкнул меня в бок. Он с такой силой затряс головой — я думал, она у него оторвется, но Посейдон, похоже, не обиделся.

— Все в порядке, Тайсон, — сказал он. — Ты, Перси, извини за мой внешний вид. Война дается мне нелегко.

— Но ты же бессмертный, — тихо сказал я. — Ты можешь выглядеть как захочешь.

— Я своим видом отражаю состояние моего царства, — пояснил он. — А как раз сейчас это состояние довольно мрачное. Перси, должен тебя представить... боюсь, ты только что разминулся с моим полководцем Дельфином, богом дельфинов. А это моя... гм... жена Амфитрита. Моя дорогая...

Дама в зеленых доспехах холодно посмотрела на меня, потом скрестила на груди руки и сказала:

— Извини, мой господин, но мое присутствие требуется на поле боя.

С этими словами она уплыла.

Я чувствовал себя довольно неловко, но, наверное, винить ее в этом было бы несправедливо. Я никогда об этом не задумывался, но у отца ведь есть бессмертная жена. А что касается всех его походов со смертными женщинами, включая и мою маму... что ж, наверное, Амфитрите это не очень нравилось.

Посейдон откашлялся.

— Да, а это мой сын Тритон. Гм... мой другой сын.

— Твой сын и наследник, — поправил его зеленый типчик. Он помахал своим двойным хвостом и улыбнулся мне, но его глаза вовсе не светились приязнью. — Привет, Персей Джексон. Наконец-то пришел нам помочь?

Он вел себя так, будто я опоздал или отлынивал. Если под водой можно покраснеть, то именно это и случилось со мной.

— Скажи мне, что я должен делать, — проговорил я.

Тритон ухмыльнулся, будто я сказал что-то такое хитромудрое или будто я был забавной собачонкой, которая тут пролаяла что-то... Он повернулся к Посейдону.

— Я слежу, как идут дела на передовой, отец. Можешь не волноваться — я тебя не подведу.

Он вежливо кивнул Тайсону. Почему же это я не заслужил никакого уважения? Тритон сорвался с места и исчез в толще вод.

Посейдон вздохнул, поднял посох, и тот мгновенно видоизменился в его привычное оружие — трезубец. Зубцы отливали синим сиянием, а вода вокруг него закипела от избытка энергии.

— Ты уж извини, — сказал он мне.

Сверху появилась громадная морская змея и, совершая спиральные движения, направилась к крыше. Она была ярко-оранжевого цвета с клыкастой пастью, в которой вполне мог бы уместиться целый спортзал.

Почти не посмотрев в ее сторону, Посейдон поднял трезубец и направил на эту тварь заряд энергии. Опаньки! Чудище распалось на миллион золотых рыбок, и все они в ужасе бросились врассыпную.

— Моя семья встревожена, — продолжил Посейдон, словно ничего не случилось. — Сражение с Океаном идет далеко не лучшим образом.

Он показал на край мозаичной карты и рукоятью трезубца постучал по изображению водяного размерами больше остальных и с бычьими рогами. Он вроде как мчался на колеснице, в которую были впряжены лангусты, а вместо меча размахивал живой змеей.

— Океан, — сказал я. — Это, кажется, морской титан?

Посейдон кивнул.

— Во время первой войны титанов с богами он придерживался нейтралитета. Но теперь Кронос убедил его участвовать. Это... гм... не очень хороший знак. Океан ни за что не связался бы в драку, если бы не был уверен в том, что дерется на стороне победителей.

— Вид у него глуповатый, — заявил я оптимистическим тоном. — Я хочу сказать, кто же это дерется змеей?

— Папа завяжет ее узлами, — твердо заявил Тайсон.

— Благодарю за вашу веру. — Посейдон улыбнулся, но выглядел он уставшим. — Мы воюем уже около года. Моя армия устала. А он находит все новые силы и бросает их против меня — морских монстров, таких древних, что я и забыл об их существовании.

Я услышал грохот взрыва вдалеке. Приблизительно в миле от нас коралловая гора развалилась под весом двух гигантских существ. Я едва различал их форму. Один был омар. Другой — гигантский гуманоид наподобие циклопа, но тело его было окружено огромным числом конечностей. Поначалу я подумал, что он таскает на себе уйму гигантских осьминогов, но потом понял, что это его собственные руки — сотни рук молотят воду, нанося удары.

— Бриарей! — воскликнул я.

Я обрадовался ему, но, судя по его виду, он дрался из последних сил. Он был последним в своем роде — Сторукий, двоюродный брат циклопов. Мы прошлым летом освободили его из тюрьмы Кроноса, и я знал, что он отправился помогать Посейдону, но с тех пор о нем ничего не слыхал.

— Он отлично дерется, — сказал Посейдон. — Жаль, что у меня нет целой армии таких, как он.

Я увидел, как Бриарей, взревев от злости, схватил омара, который размахивал и щелкал клешнями, и сбросил его с коралловой горы — тот исчез во мраке. Бриарей припустил следом, его сотня рук работала, как винт моторной лодки.

— Перси, я не могу уделить тебе много времени, — вздохнул отец. — Расскажи мне о своей миссии. Ты видел Кроноса?

Я рассказал ему все, хотя голос у меня и срывался, когда я говорил о Бекендорфе. Я посмотрел на дворы внизу и увидел сотни раненых водяных, лежавших на самодельных кушетках. Я увидел ряды коралловых холмиков, которые, вероятно, были обустроенными на скорую руку могилами. Я понял, что Бекендорф стал не первой жертвой — он был одним из многих сотен, может быть, тысяч. Я никогда не чувствовал себя таким злым и беспомощным.

— Перси. — Посейдон разгладил бороду. — Бекендорф выбрал героическую смерть. Тебя не в чем упрекнуть. Армия Кроноса будет дезорганизована. Многие были уничтожены.

— Но ведь его мы не убили?

Я понимал, что это наивная надежда. Мы могли взорвать корабль и уничтожить всех монстров на нем, но убить владыку титанов было не так-то легко.

— Нет, не убили, — ответил Посейдон. — Но с вашей помощью мы выиграли какое-то время.

— На корабле были полубоги, — сказал я, вспомнив парнишку, с которым столкнулся на

лестнице.

Я почему-то позволил себе сосредоточиться на Кроносе и монстрах. Я убедил себя, что уничтожить корабль — благое дело, потому что на нем обосновалось зло, потому что они собираются напасть на мой город и к тому же их невозможно убить навсегда. Монстры испаряются, а потом восстанавливаются в новом облике. Но полубоги...

Посейдон положил руку мне на плечо.

— Перси, на борту этого корабля было всего несколько воинов-полубогов, и все они добровольно встали на сторону Кроноса. Некоторые, может быть, вняли твоему предупреждению и спаслись. Если нет — они сами выбрали свою судьбу.

— Им промыли мозги! — воскликнул я. — Теперь они мертвы, а Кронос по-прежнему жив. И это никак не улучшает мое настроение.

Я разглядывал мозаику — маленькие взрывы свидетельствовали об уничтожении монстров. На картинке это не составляло никакого труда.

Тайсон обнял меня. Если бы это попытался сделать кто-то другой, я бы его оттолкнул, но Тайсон был слишком велик и упрям. Он обнимал меня, хотел я этого или нет.

— Это не твоя вина, братишка. Кронос сделан из такого материала, который плохо взрывается. В следующий раз мы возьмем большую дубинку.

— Перси, — сказал отец, — Бекендорф погиб не напрасно. Вы рассеяли силы вторжения. На какое-то время Нью-Йорку ничто не грозит, что позволит остальным олимпийцам разбираться пока с большей угрозой.

— С большей угрозой? — Я подумал о том, что говорил золотистый титан в моем сновидении: «Боги ответили на вызов. Скоро они будут уничтожены».

Тень пробежала по лицу отца.

— Хватит тебе скорбей на один день. Обратись за разъяснением к Хирону, когда вернешься в лагерь.

— Когда вернусь в лагерь? Но вам тут грозит опасность! Я хочу помочь тебе.

— Тут ты мне ничем не поможешь. Ты будешь нужен в другом месте.

Я не мог поверить своим ушам и посмотрел на Тайсона в поисках поддержки.

— Папа... — Мой брат пожевал губу. — Перси хорошо владеет мечом. Он умелый воин.

— Мне это известно, — мягко проговорил Посейдон.

— Папа, позволь мне помочь, — попросил я. — Я знаю, что смогу. Ты тут долго не продержишься.

Из-за вражеских позиций в небо устремился огненный шар. Я думал, что Посейдон отразит его или сделает еще что-нибудь, но тот приземлился в углу двора и взорвался, отчего водяные кувыркком полетели по воде. Посейдон поморщился, словно его укололи.

— Возвращайся в лагерь, — повторил он. — И скажи Хирону: пора.

— Что пора?

— Ты должен выслушать пророчество. Целиком.

Мне не нужно было спрашивать его о том, что это за пророчество. Я уже несколько лет подряд слышал про великое пророчество, но никто никогда не зачитывал мне его. Я знал только, что должен принять решение, которое изменит судьбу мира, но принять его без всякого давления со стороны.

— А что, если это и есть решение? — спросил я. — Остаться здесь и сражаться? Что, если я оставлю тебя и ты...

Я не мог сказать «умрешь». Считается, что боги не умирают, но я видел нечто подобное.

Даже если они не умирают, они могут быть приведены в ничтожное состояние, сосланы, заключены в тюрьму в глубинах Тартара, как это было сделано с Кроносом.

— Перси, ты должен делать то, что я тебе сказал, — настаивал Посейдон. — Я не знаю, каким будет твое окончательное решение, но сражаться ты должен в наземном мире. По меньшей мере ты должен предупредить твоих друзей в лагере. Кронос знал твои планы. У вас в лагере шпион. Мы здесь продержимся. У нас нет иного выбора.

— Мне будет тебя не хватать, братишка! — Тайсон изо всех сил ухватил меня за руку. Наш отец, глядя на нас, казалось, постарел еще на десяток лет.

— Тайсон, сынок, тебя тоже ждет работа. Давай-ка возвращайся в оружейную мастерскую.

Тайсон снова надулся.

— Хорошо. — Он шмыгнул носом и обнял меня с такой силой, что чуть не сломал ребра. — Перси, будь осторожен! Не допусти, чтобы монстры убили тебя!

Я постарался уверенно кивнуть в ответ, но для чувствительного великана Тайсона все это было уже слишком — он зарыдал и поплыл в мастерскую, где его кузены чинили копья и мечи.

— Ты должен разрешить ему сражаться, — сказал я отцу. — Он ненавидит работу в мастерской. Разве ты не видишь?

Посейдон покачал головой.

— Хватит уже и того, что я тебя подвергаю опасности. Тайсон слишком юн. Я должен защитить его.

— Ты должен ему доверять, — возразил я, — а не пытаться его защитить.

Глаза Посейдона гневно сверкнули. Я подумал, что слишком много позволил себе, но тут он опустил взгляд на мозаику и ссутулился еще больше. На карте водяной в колеснице с лангустами был совсем рядом с дворцом.

— Океан приближается, — произнес отец. — Я должен сразиться с ним.

Никогда прежде я не опасался за богов, но теперь даже представить себе не мог, как отец может сразиться с этим титаном и победить.

— Я выстою, — пообещал Посейдон. — Я не отдам мои владения. Скажи-ка мне, Перси, у тебя все еще сохранилось то, что я подарил тебе на день рождения прошлым летом?

Я кивнул и вытащил мой шнурок с бусинами по числу летних каникул, проведенных мною в Лагере полукровок. Но с прошлого года я носил на шнурке и песчаный доллар — так за их форму называли плоских морских ежей. Отец подарил мне его на пятнадцатилетие. Он сказал: я сам пойму, когда его «потратить», но до сего дня я не представлял, что он имел в виду. Про этого ежа я знал одно: в школьный автомат по продаже кока-колы его не засунешь.

— Ну, время, — сказал отец. — Если все будет хорошо, увидимся на твоем дне рождения через неделю. И отпразднуем как следует.

Посейдон улыбнулся, и на мгновение в его глазах мелькнул прежний свет.

Потом все море перед нами потемнело, словно налетел чернильный шторм. Загремел гром, что было невозможно под водой. К нам приближалось какое-то громадное ледяное существо. Я почувствовал, как волна страха затопила армию внизу.

— Я должен принять мою настоящую божественную форму, — сказал Посейдон. — Поторопись, сынок. И удачи тебе.

Я хотел подбодрить его, обнять или что-нибудь в таком роде, но понимал, что задерживаться не стоит. Когда бог принимает свою настоящую форму, выделяется такая

энергия, что любой смертный, посмотревший на него, расщепляется на молекулы.

— До свидания, отец, — выдавил я.

Потом отвернулся и призвал на помощь морские течения. Вода вокруг меня завихрилась, и я понесся на поверхность с такой скоростью, от которой любой обычный человек лопнул бы, как воздушный шарик.

Когда я оглянулся, то увидел только зеленые и синие вспышки — мой отец сражался с титаном, и само море разрывалось на части двумя армиями.

Глава третья

Я заглядываю в глаза собственной смерти

Если вы хотите быть популярным в Лагере полукровок, не возвращайтесь после задания с плохими новостями.

Не успел я выйти из океана, как все уже знали о моем прибытии. Лагерь расположен на северном берегу Лонг-Айленда, и место это заколдовано, так что большинство людей его даже не видят. Люди не появляются просто так на берегу, если только они не полубоги, боги или же самые что ни на есть настоящие заблудившиеся доставщики пиццы. (Такое случалось, но это уже другая история.)

В общем, в тот день дежурил Коннор Стоулл из домика Гермеса. Увидев меня, он так возбудился, что упал с дерева. После этого он протрубил в горн из ракушки, давая сигнал обитателям лагеря собраться и приветствовать меня.

У Коннора кривая улыбка, соответствующая его искаженному чувству юмора. Вообще-то он отличный парень, но когда он рядом, нужно покрепче держаться за кошелек и ни в коем случае не давать ему крем для бритья, если не хотите обнаружить его размазанным у себя в спальном мешке. У него кудрявые каштановые волосы, он чуть пониже своего брата Тревиса, и только по этому признаку я их различаю. Эти двое совершенно не похожи на моего старого врага Луку, и мне даже не верится, что все они — сыновья Гермеса.

— Перси? — завопил Коннор. — Что случилось? Где Бекендорф?

Потом он увидел выражение моего лица, и улыбка сошла с его физиономии.

— Да что ты?! Вот бедняжка Силена! Зевс всемогущий, когда она узнает...

Мы вдвоем взбирались на песчаные дюны. Обитатели лагеря уже собирались и шли нам навстречу — мы их видели в нескольких сотнях метров впереди. Они радовались и улыбались. «Перси вернулся, — наверное, думали они. — Уж он-то спас положение! Может, и сувениров каких принес!»

Я остановился у помещения столовой, дожидаясь их. Бежать им навстречу и рассказывать, какой я неудачник, у меня не было ни малейшего желания.

Я обшаривал взглядом пространство лагеря, пытаюсь вспомнить, каким он был, когда я появился здесь впервые. Казалось, это было целую вечность тому назад.

Из столовой видно почти все. Долину окружают холмы. На самом высоком — Холме полукровок — растет сосна Талии, а на ее ветвях висит золотое руно, которое волшебным образом защищает лагерь от врагов. Сторожевой дракон Пелей такой огромный, что я вижу его отсюда — вон он свернулся вокруг ствола и, похрапывая во сне, посылает дымовые сигналы.

Справа от меня тянется лес. Слева сверкает озеро и сияет альпинистская стена — сияет потому, что по ней течет лава. Двенадцать домиков (по одной на каждого олимпийского бога) стоят подковой вокруг общей территории. Дальше на юг лежат клубничные поля, еще дальше — оружейная и Большой дом в четыре этажа, выкрашенный в небесную лазурь, с бронзовым флюгером в виде орла на крыше.

В некотором роде лагерь не изменился. Но, глядя на поля или здания, не догадаешься про войну. Она видна на лицах полубогов, сатиров и наяд, взбирающихся на холм.

Обитателей в лагере было меньше, чем четыре года назад. Некоторые уехали, чтобы

никогда больше не вернуться. Некоторые погибли в сражении. Третьи — мы старались о них не говорить — переметнулись к врагу.

Те, кто остался, закалились в боях, и вид у них был усталый. Теперь в лагере редко можно услышать смех. Обитатели домика Гермеса стали меньше прикалываться над ребятами. Трудно разыгрывать других, когда собственная жизнь кажется сплошным приколом.

Первым в столовую прискакал Хирон, что для него не составило труда, потому что ниже поясицы он — жеребец белой масти. Борода у него за лето разрослась, через спину был перекинут лук, а на футболке красовалась надпись: «МОЯ ДРУГАЯ ПОЛОВИНА — КЕНТАВР».

— Перси! — сказал он. — Слава богам. А где...

Тут появилась Аннабет, и, должен признаться, стоило мне ее увидеть, как сердце у меня забилось чаще. Дело не в том, что она старалась хорошо выглядеть, напротив. У нас в последнее время было столько боевых экспедиций, что она почти не расчесывала свои светлые волосы, и ее мало волновало, какая на ней одежда — обычно она появлялась в оранжевой лагерной футболке и джинсах, а время от времени надевала бронзовые доспехи. Глаза у Аннабет были неистово-серые. Чаще всего если мы начинали с ней о чем-то разговаривать, то без ругани, а то и рукоприкладства дело не обходилось. Но стоило мне ее увидеть, как я начинал млеть. Прошлым летом, перед тем как Лука сбежал к Кроносу и все пошло наперекосяк, несколько раз мне в голову приходила мысль: может быть... период рукоприкладства в наших отношениях подходит к концу?

— Что случилось? — Она схватила меня за руку. — Лука...

— Корабль взорван, — сказал я. — Но Кронос остался жив. Я не знаю, где...

Сквозь толпу протиснулась Силена Боргард — непричесанная, даже без косметики, что было совсем на нее не похоже.

— Где Чарли? — спросила она, оглядываясь так, словно он где-то тут прятался.

Я посмотрел на Хирона в поисках помощи.

Старый кентавр откашлялся.

— Силена, дорогая, давай поговорим об этом в Большом доме...

— Нет, — пробормотала она. — Нет. Нет!

Она заплакала, а все стояли вокруг не в силах произнести ни слова. Мы за это лето уже столько друзей потеряли, но эта потеря была горше всех других. Со смертью Бекендорфа лагерь словно утратил якорь.

Наконец вперед протиснулась Кларисса из домика Ареса. Она обняла Силену. У них была необычайная из дружб (это между дочерью бога войны и дочерью богини любви!), но тем не менее с того самого дня, как прошлым летом Силена дала Клариссе совет по поводу ее первого бойфренда, Кларисса решила стать ее персональным телохранителем.

Кларисса — большая и мускулистая, как настоящий регбист, — была одета в кроваво-красные доспехи, каштановые волосы убраны под бандану. Она вечно смотрела хмурым взглядом, но теперь заговорила с Силеной мягким голосом.

— Идем, девочка, — сказала она. — Идем в Большой дом. Я тебе приготовлю горячий шоколад.

Все развернулись и парами или тройками побрели назад в свои домики. Теперь уже никому не хотелось меня видеть. Никто не хотел слушать о взорванном корабле. Остались только Аннабет и Хирон.

Аннабет смахнула слезинку со щеки.

— Я рада, что ты жив, Рыбьи Мозги.

— Спасибо, — ответил я. — Я тоже рад.

— Я уверен, ты сделал все, что мог, Перси. — Хирон положил руку мне на плечо. — Ты расскажешь нам, что случилось?

Мне не хотелось переживать все это заново, но я им все рассказал, включая и мой сон с титанами. Я опустил подробности о Нико, который заставил меня пообещать, что я никому не расскажу о его плане, пока не приму решения, а план был такой жуткий, что рассказывать о нем у меня не было никакого желания.

Хирон смотрел куда-то в сторону долины.

— Мы должны без промедления собрать военный совет и поговорить об этом шпионе и обо всем.

— Посейдон говорил еще об одной угрозе, — сказал я. — О чем-то посерьезнее «Принцессы Андромеды». Я решил, что это может быть тот вызов, о котором титаны говорили в моем сне.

Хирон и Аннабет посмотрели друг на друга, словно знали что-то такое, о чем мне было неизвестно. Мне это ужас как не понравилось.

— Мы обсудим и это, — пообещал Хирон.

— И еще одно. — Я набрал в грудь побольше воздуха. — Посейдон просил передать тебе, что пора. Я должен знать пророчество целиком.

Хирон ссутулился, но ничуть не удивился.

— Я ждал этого дня и боялся его. Ну что же. Аннабет, мы покажем Перси всю правду — от и до. Идем на чердак.

На чердаке Большого дома я был только три раза в жизни, что и так в три раза больше, чем мне бы того хотелось.

С верхней лестничной площадки туда вела приставная лестница. Интересно, подумал я, как туда заберется Хирон — ведь он наполовину конь. Но он и не пытался.

— Ты знаешь, где оно, — сказал он Аннабет. — Неси сюда.

Аннабет кивнула.

— Идем, Перси.

Солнце уже садилось, а потому на чердаке было даже темнее и страшнее, чем обычно. Повсюду валялись трофеи старых героев — проломленные щиты, заспиртованные головы разных монстров в кувшинах, пара жульнических игральные кости на бронзовом подносе с надписью «УКРАДЕНО ГУСОМ, СЫНОМ ГЕРМЕСА, В 1988 ГОДУ ИЗ “ХОНДЫ СИВИК” ХРИСАОРА».

Я поднял кривой бронзовый меч, выгнутый так, что он напоминал букву «М». На металле остались пятна — следы волшебного яда, которым когда-то была смазана его поверхность. На бирке стояла дата — прошлое лето. Подпись гласила: «САБЛЯ КАМПЕ, УНИЧТОЖЕНА В БИТВЕ У ЛАБИРИНТА».

— Ты помнишь, как Бриарей бросал камни? — спросил я.

— А Гроувер посеял панику? — Аннабет против желания улыбнулась.

Мы встретились взглядами. Я вспомнил совсем другое событие прошлого лета под горой Сент-Хеленс, когда Аннабет думала, что я вот-вот умру, и поцеловала меня.

Она откашлялась и отвернулась.

— Пророчество, — глухо напомнила Аннабет.

— Ну да. — Я положил саблю. — Пророчество.

Мы подошли к окну. На треножнике сидел оракул — растрепанная мумия женщины в цветастом платье. Ключья ее волос прилипли к черепу. С высохшего лица взирали остекленевшие глаза. У меня от одного ее вида мурашки побежали по коже.

Раньше если кто-то собирался покинуть лагерь летом, то должен был подняться сюда и пройти испытание. Нынешним летом от этого правила отказались. Обитатели лагеря то и дело отправлялись в боевые экспедиции. Если мы хотели остановить Кроноса, выбора у нас не было.

И все же я прекрасно помнил необычный зеленоватый туман — дух оракула, — который обитал в этой мумии. Сейчас она казалась безжизненной, но, каждый раз изрекая пророчество, она двигалась. Иногда туман извергался из ее рта, приобретая странные формы. Один раз мумия даже покинула чердак и совершила нечто вроде прогулки зомби по роще, чтобы передать послание. Я не очень понимал, что она сделает при изречении великого пророчества. И не удивился бы, начни она с чечетки или с чего-нибудь в этом роде.

Но она сидела там как мертвая, впрочем, она и была мертвая.

— Я этого никогда не пойму, — прошептал я.

— Чего? — спросила Аннабет.

— Как чего? Ведь это же мумия.

— Перси, она не всегда была мумией. Тысячи лет дух оракула жил в прекрасной девушке. Этот дух передавался из поколения в поколение. Хирон мне говорил, что она пятьдесят лет назад была такой же. — Аннабет показала на мумию. — Но она была последней.

— А что случилось?

Аннабет хотела было что-то сказать, но потом передумала.

— Давай-ка сделаем то, что должны, и уберемся отсюда.

— Ну и как мы?.. — Я с опаской посмотрел на высохшего оракула.

Аннабет приблизилась к мумии и вытянула перед собой ладони.

— О оракул, время пришло! Я прошу тебя изречь великое пророчество.

Я напрягся, но мумия не шелохнулась. Аннабет приблизилась и отстегнула одно из ожерелий на мумии. Я никогда не обращал особого внимания на ювелирные штучки этой высохшей старухи. Я думал, это что-то вроде бус братской любви, какие носят хиппи, или что-то типа того. Но когда Аннабет повернулась ко мне, то в руках у нее была кожаная сумочка — вроде мешочка с лечебными травами американских индейцев — на шнурке, украшенном перьями. Она открыла сумочку и вытащила оттуда маленький пергаментный свиток, не толще ее мизинца.

— Ну и дела! — поразился я. — Неужели ты хочешь сказать, что я столько лет спрашивал у вас про это дурацкое пророчество, а оно было здесь — висело у нее на шее?

— Время было неподходящее, — ответила Аннабет. — Поверь мне, Перси, я прочла это, когда мне было десять, и меня до сих пор преследуют кошмары.

— Отлично, — вздохнул я. — Теперь я могу его прочесть?

— Внизу. На военном совете. Но не перед... ну, ты понимаешь.

Я заглянул в остекленевшие глаза оракула и решил не спорить. Мы направились вниз к остальным. Тогда я этого не знал, но больше на чердаке мне не суждено было появиться никогда.

Вокруг стола для настольного тенниса собрались старосты домиков. Не спрашивайте меня почему, но рекреационный зал стал неофициальным местом заседаний военного совета. Но когда Аннабет, Хирон и я вошли туда, впечатление было такое, будто там происходит соревнование по типу кто кого перекричит.

Кларисса по-прежнему щеголяла в полном боевом оснащении. К спине у нее было пристегнуто ее электрическое копьё. (Вообще-то это ее второе копьё, коим она вооружилась после того, как я сломал первое. Она называла это копьё «Парализатор». Но если она не слышала, все называли его «Паралитик».) Кларисса прижимала к боку шлем в форме кабаньей головы, а на поясе у нее висел нож.

Она так вошла в раж, вопя на Майкла Ю, нового старосту домика Аполлона, что никого не видела и не слышала. Вид у того был довольно нелепый. Кларисса — девица рослая и возвышалась над ним как гора, поскольку Майкл ростом не выше метра, ну плюс еще с полметра амбиций. Майкл возглавил домик Аполлона после того, как прошлым летом в бою погиб Ли Флетчер. Он напоминал мне хорька с длинным носом и торчащими зубами. Может, такое впечатление возникало оттого, что он постоянно щурился, прицеливаясь из лука.

— Это наши трофеи! — кричал он, вставая на цыпочки, чтобы заглянуть в глаза Клариссе. — Если тебе это не нравится, можешь поцеловать мой колчан!

Народ за столом старался сдерживать смех — братья Стоулл, Поллукс из домика Диониса, Кати Гарднер от Деметры. Даже Джейк Мейсон, спешно назначенный новый староста домика Гефеста, выдавил натянутую улыбку. Только Силену Боргард не обращала внимания на происходящее. Она сидела рядом с Клариссой и смотрела пустым взглядом на теннисную сетку, натянутую поперек стола. Глаза у нее покраснели и распухли. Перед ней стояла нетронутая чашка с горячим шоколадом. Мне показалось несправедливым, что она вынуждена присутствовать здесь. Я ушам своим не мог поверить — Кларисса и Майкл, стоя рядом с Силеной, спорят о таких глупостях, как трофеи, когда она только что потеряла Бекендорфа.

— Прекратите! — закричал я. — Чем это вы тут занимаетесь?

Кларисса хмуро посмотрела на меня.

— Скажи Майклу, чтобы он не был таким глупым эгоистом!

— Уж чья бы корова мычала! — отозвался Майкл.

— Я здесь только для того, чтобы поддержать Силену! — прокричала Кларисса. — Если бы не она, я сидела бы у себя в домике.

— В чем проблема? — спросил я.

Поллукс откашлялся.

— Кларисса отказалась разговаривать с кем-либо из нас, пока не будет разрешен ее... гм... вопрос. Она три дня молчала.

— Это было замечательно... — задумчиво вставил Тревис Стоулл.

— Какой вопрос?

Кларисса повернулась к Хирону.

— Ты здесь главный? Мой домик получит то, что мы хотим?

Хирон переступил с копыта на копыто.

— Моя дорогая, я уже объяснял, что Майкл прав. У домика Аполлона более обоснованные претензии. И потом у нас сейчас на повестке дня куда как более насущные проблемы...

— Ну конечно, — отрезала Кларисса. — Всегда находятся проблемы более насущные, чем потребности Ареса. А мы только должны идти и сражаться, когда это требуется, и ни на что не жаловаться.

— Как это было бы мило... — пробормотал Коннор Стоулл.

Кларисса схватилась за нож.

— Может быть, мне стоит обратиться к мистеру Д...

— Как вам известно, — прервал ее Хирон (говорил он теперь слегка раздраженным тоном), — наш директор Дионис занят войной. Его нельзя беспокоить такими вещами.

— Понятно, — сказала Кларисса. — А старосты? Кто-нибудь из вас поддержит меня?

Теперь уже никто не улыбался. Все избегали встречаться с Клариссой взглядом.

— Отлично! — Кларисса повернулась к Силене. — Извини. Я не хотела ввязываться в это, когда у тебя такая утрата... приношу свои извинения. Но только тебе. И больше никому!

Силена, казалось, не слышала ее слов.

Кларисса швырнула нож на теннисный стол.

— Вам всем придется вести эту войну без Ареса. Пока я не получу удовлетворения, никто из моего домика и пальцем не пошевелит. Желаю вам приятной смерти!

Члены совета были слишком ошарашены и ничего не ответили Клариссе, которая вихрем вылетела из помещения.

Наконец Майкл Ю проговорил:

— Ну и слава богам.

— Ты шутишь?! — взвилась Кати Гарднер. — Это же настоящий кошмар для нас!

— Да она это так... пустая болтовня, — сказал Тревис. — Разве нет?

— Ее обидели. — Хирон вздохнул. — В конечном счете она успокоится.

Голос его, однако, звучал не очень убедительно.

Я хотел спросить, с какого это рожна Кларисса так взбесилась, но когда я посмотрел на Аннабет, она одними губами сказала: «Я тебе объясню попозже».

— Ну а теперь, члены совета, прошу вас. Перси принес кое-что, о чем, я думаю, вы должны узнать. Перси — великое пророчество.

Аннабет протянула мне пергамент. Он был сухой и ветхий на ощупь. Я принялся неумело развязывать шнурок, потом развернул свиток, стараясь не порвать его, и начал читать:

Полукровка быков старейших...

— Эй, Перси, — прервала меня Аннабет. — Там написано богов, а не быков!

— Да-да, — пробормотал я.

У полубогов есть эта слабость — они не умеют толком читать, и иногда меня это здорово достает. Чем больше я нервничаю, тем хуже читаю.

Полукровка старейших богов на свете —

Он доживет до шестнадцатилетия...

Я запнулся, глядя на следующие строки. Пальцы у меня похолодели, словно я держал

лед, а не пергамент.

Мир погрузится в сон, будто пьяный,
Душу героя возьмет клинок окаянный.

Я вдруг почувствовал, что Анаклузмос в моем кармане словно бы потяжелел. Окаянный клинок? Хирон как-то говорил мне, что Анаклузмос многих людей поверг в скорбь. Возможно ли, чтобы собственный меч меня же и убил? И как это мир погрузится в беспробудный сон, если только этот сон не есть смерть?

— Перси, — вывел меня из раздумий Хирон. — Дочитай до конца.

У меня рот был словно набит песком, но я дочитал две последние строки.

И ждет его конец, когда он сделает выбор,
Спасая Олимп или обруб...

— Обрекая, — мягко поправила меня Аннабет. — Обрекать — значит предназначать для какой-либо участи.

— Знаю я, что такое «обрекать», — проворчал я.

Спасая Олимп или обрекая на гибель.

Присутствующие погрузились в молчание.

— Гибель мне не нравится, — наконец отозвался Коннор Стоулл.

— Гибель... — повторила Силена. Голос ее звучал необычно глухо. — Гибель значит «смерть», «уничтожение».

— Аннигиляция, — вступила Аннабет. — Прекращение существования. Крах.

— Ясней ясного. — Сердце у меня словно налилось свинцом. — Спасибо за объяснение.

Все смотрели на меня — с сочувствием, жалостью и, может быть, даже немного со страхом.

Хирон закрыл глаза, словно произнося молитву. В своей лошадиной ипостаси он был таким высоким, что голова его почти касалась светильников на потолке зала.

— Теперь ты понимаешь, Перси, почему мы решили хранить от тебя в тайне последнюю часть пророчества. Ты и без того нес немалый груз на своих плечах...

— Так или иначе, я в конце концов должен был умереть, даже не зная об этом? Да, теперь ясно.

Хирон с печалью глядел на меня. Ему было за три тысячи лет, он видел гибель сотен героев. И пусть ему такие вещи не нравились, но он уже привык к этому. Он, вероятно, понимал, что утешать меня бессмысленно.

— Перси, — сказала Аннабет, — ты ведь знаешь, что пророчества можно толковать по-разному. Возможно, оно не говорит о том, что ты умрешь... в буквальном смысле.

— Конечно, — ухмыльнулся я. — «И ждет его конец, когда сделает он выбор». Большой простор для толкования.

— Может быть, нам удастся предотвратить это, — вмешался вдруг Джейк Мейсон. —

Там сказано: «Душу героя возьмет клинок окаянный». Может, нам удастся найти этот окаянный клинок и уничтожить его. Может, тут речь идет о косе Кроноса?

Я об этом не подумал, но какая разница, о чем шла речь — об Анаклузмосе или косе Кроноса. В любом случае, я сильно сомневался, что мы сможем не дать этому пророчеству сбыться. Клинок должен был забрать мою душу. Вообще-то я бы хотел, чтобы моя душа оставалась при мне.

— Наверно, мы должны дать Перси возможность поразмыслить над этими строками, — предложил Хирон. — Ему нужно время...

— Нет. — Я сложил пергамент с пророчеством и засунул его в карман. Мне словно вожжа под хвост попала, и я злился, хотя на кого — одним богам известно. — Не нужно мне времени! Если я умру, так тому и быть. Что толку мне об этом беспокоиться. Разве нет?

Руки Аннабет немного дрожали. Она не могла поднять на меня глаза.

— Давайте продолжать, — сказал я. — У нас немало проблем. В лагере шпион.

Майкл Ю нахмурился.

— Шпион?

Я рассказал им о том, что случилось на «Принцессе Андромеде»: что Кроносу было известно о нашей экспедиции и как он пользовался серебряным браслетом с брелоком в виде косы, чтобы выходить на связь с кем-то в лагере.

Силена снова принялась плакать, и Аннабет обняла ее за плечи.

— Ну что ж, — неуверенно начал Коннор Стоулл, — мы уже давно подозревали, что у нас завелся шпион. Так? Кто-то постоянно передавал информацию Луке... вот пару лет назад сообщили, где находится золотое руно. Это должен быть кто-то знакомый с ним близко.

Он посмотрел на Аннабет. Она, конечно, знала Луку лучше, чем кто-либо другой, но Коннор тут же отвел взгляд.

— Ну, то есть я хочу сказать, это может быть кто угодно.

— Да. — Кати Гарднер насупилась, с подозрением глядя на братьев Стоулл. Они ей не нравились с того самого дня, как разукрасили соломенную крышу домика Деметры шоколадными пасхальными зайчиками. — Например, кто-нибудь из его родни.

Тревис и Коннор принялись с ней громко пререкаться.

— Прекратите! — Силена с такой силой стукнула кулаком по столу, что ее шоколад в чашке расплескался. — Чарли погиб... а вы спорите, как малые дети! — Она опустила голову и заплакала.

Струйки горячего шоколада стекали со стола. Всем стало стыдно.

— Она права, — сказал наконец Поллукс. — Если мы будем обвинять друг друга, ничего хорошего из этого не выйдет. Мы должны смотреть в оба — не обнаружится ли у кого серебряного браслета с брелоком в виде косы. Если у Кроноса такой, то, может, и у его шпиона тоже.

— Мы должны найти этого шпиона, перед тем как начнем планировать следующую операцию, — проворчал Майкл Ю. — Хоть «Принцесса Андромеда» и взорвана, но это не остановит Кроноса навсегда.

— Это точно, — сказал Хирон. — Могу сказать больше: уже подготовлена следующая атака.

— Ты имеешь в виду ту «большую угрозу», о которой говорил Посейдон? — мрачно спросил я.

Хирон с Аннабет переглянулись, словно решая, можно ли мне кое-что сказать. Я уже

говорил вам, что ненавижу, когда они так делают?!

— Перси, — начал Хирон, — мы не хотели тебе говорить до твоего возвращения в лагерь. Тебе нужно было передохнуть, пообщаться со своими смертными друзьями...

Аннабет бросило в краску. Тут мне пришло в голову, что ей известно о моих встречах с Рейчел, и я почувствовал себя виноватым.

Потом я разозлился — с чего бы это? Мне что, запрещено дружить с кем-то за пределами лагеря? Это ведь не...

— Говорите, что случилось, — буркнул я.

Хирон взял с обеденного столика бронзовый кубок, выплеснул воду на горячую плиту, где мы обычно плавил сыр начо^[3]. Над плитой поднялся пар, и во флюоресцирующем свете образовалась радуга. Хирон вытащил из кошелька золотую драхму, швырнул ее через образовавшееся облачко и пробормотал:

— О Ирида, богиня радуги, покажи нам эту угрозу.

Облачко замерцало. Я увидел знакомое изображение чадающего вулкана — горы Сент-Хеленс, на моих глазах один склон ее разорвало, и оттуда полилась лава, посыпался пепел. Я услышал голос диктора: «...более сильное, чем извержение прошлого года, и геологи предупреждают, что, возможно, гора еще заявит о себе».

О прошлогоднем извержении мне было известно все. Я сам стал его причиной. Но это было гораздо сильнее. Гора развалилась на части, обрушилась внутрь, а из дыма и лавы возникла громадная фигура, словно бы вылезла из люка, откинув в сторону крышку. Я надеялся, что Туман скроет истинное положение дел от глаз людей, потому что увиденное мной должно было вызвать панику и беспорядки по всей территории Штатов.

Размеры этого гиганта превышали все, что я когда-либо видел. Даже с моим зрением полубога я не мог точно разглядеть его очертания в пепле и пламени, но ясно было, что у него гуманоидные формы, а размеры такие, что он вполне мог бы использовать здание Крайслер-билдинга как битую для игры в бейсбол. Гора сотрясалась с невыносимым грохотом, словно этого монстра одолевал смех.

— Это он... — пробормотал я. — Тифон...

Я искренне надеялся, что Хирон скажет что-нибудь обнадеживающее, типа: «Нет, это наш огромный друг Лерой! Он пришел нам на помощь!» Но Хирон просто кивнул.

— Самый страшный из всех монстров, самая большая из угроз, с какой когда-либо сталкивались боги. Его все же освободили из-под горы. Но то, что ты видишь, случилось два дня назад. А вот что происходит сейчас.

Хирон взмахнул рукой — и картинка изменилась. Я увидел гряду штормовых туч, надвигающуюся на долины Среднего Запада. Сверкнула молния. Смерчи уничтожали все на своем пути — ломали дома и трейлеры, швыряли машины, словно спичечные коробки.

«Катастрофические наводнения, — говорил диктор. — Пять штатов объявлены зоной бедствия, а чудовищная буря продолжает двигаться на восток, разрушая все на своем пути».

Камеры дали крупный план — фронт бури сметал с лица земли один из городов Среднего Запада. Я не смог разобрать какой. Внутри бури я разглядел этого гиганта — слабое мерцание его истинной формы: туманная рука, темная когтистая ладонь размером с городской квартал. Его злобный рев катился по долинам, как грохот ядерного взрыва. Вокруг этого монстра металась форма помельче. Я видел вспышки света и понимал, что гигант пытается отогнать их. Я прищурился, и мне показалось, что в черноту летит золотая колесница. Потом какая-то огромная птица — чудовищная сова — нырнула в эту же темноту,

атакуя гиганта.

— Это что — боги? — спросил я.

— Да, Перси, — ответил Хирон. — Они вот уже несколько дней сражаются с ним, чтобы замедлить его продвижение. Но Тифон продвигается все ближе к Нью-Йорку. К Олимпу.

Я обдумал услышанное.

— И когда он доберется сюда?

— Если боги его не остановят, то дней через пять. Там большинство олимпийцев... кроме твоего отца, который ведет собственную войну.

— А кто же тогда охраняет Олимп?

Коннор Стоулл покачал головой.

— Если Тифон доберется до Нью-Йорка, то, охраняет кто-нибудь Олимп или не охраняет, не будет иметь никакого значения.

Я вспомнил слова Кроноса на корабле: «Мне бы хотелось увидеть ужас в твоих глазах, когда ты поймешь, как я собираюсь уничтожить Олимп».

Значит, он это имел в виду — атаку Тифона? Да, что говорить, это ужас так ужас. Но Кронос всегда пытался нас провести, направить наше внимание на что-нибудь второстепенное. Тут сомнений быть не могло. К тому же и в моем сне золотистый титан говорил о том, что грядет несколько новых атак, а значит, можно было предположить, что Тифон — только первая из них.

— Это обман, — сказал я. — Мы должны предупредить богов. Тут непременно случится еще что-то.

— Что-то хуже Тифона? — Хирон с мрачным видом посмотрел на меня. — Я надеюсь, ничего такого не произойдет.

— Мы должны защитить Олимп, — настаивал я. — Кронос запланировал еще одну атаку.

— Ну да, — напомнил мне Тревис Стоулл. — Но вы с Бекендорфом потопили его корабль.

Все смотрели на меня. Они ждали каких-нибудь хороших новостей. Они хотели верить, что я хоть немного добавлю им надежды.

Я кинул взгляд на Аннабет и сразу понял, что у нас одни и те же мысли: что, если «Принцесса Андромеда» была всего лишь тактическим ходом? Что, если Кронос позволил нам взорвать корабль, чтобы мы после этого расслабились?

Но в присутствии Силены я не хотел говорить об этом. На «Принцессе Андромеде» погиб ее парень.

— Может, ты и прав, — сказал я, хотя сам в это ни капли не верил.

Я попытался представить себе, каким образом дела могут пойти гораздо хуже. Боги были на Среднем Западе — сражались с громадным монстром, который почти что уже победил их один раз. Посейдон находился в блокаде — проигрывал войну морскому титану по имени Океан. Кронос пребывал неизвестно где, и руки у него были развязаны. Олимп остался практически беззащитен. Полубоги Лагеря полукровок были предоставлены сами себе, а в их ряды затесался шпион.

Мало того, в соответствии с древним пророчеством я должен был погибнуть, когда мне исполнится шестнадцать лет, что произойдет через пять дней — как раз тогда, когда ожидается атака Тифона на Нью-Йорк. Чуть об этом не забыл!

— Ну, по-моему, для одного вечера достаточно, — заключил Хирон.

Он взмахнул рукой — и пар исчез. Сражение Тифона и богов в буревых тучах исчезло.

— А по-моему, так маловато, — пробормотал я.

И на этом заседание военного совета завершилось.

Глава четвертая

Металлический саван

Мне снилось, что Рейчел Элизабет Дэр бросает дартс в картину, на которой изображен я.

Она стояла в своей комнате... Нет, не так. Должен сказать, что у Рейчел нет комнаты. В ее распоряжении верхний этаж родительского особняка — роскошного перестроенного дома в Бруклине. Ее «комната» — это громадный чердак с прожекторами вместо ламп и окнами от пола до потолка. Этот этаж почти в два раза больше квартиры моей матери.

Из ее заляпанной краской дорожкой акустической системы доносились ревущие звуки альтернативного рока. Насколько я мог судить, единственное правило Рейчел касательно музыки состояло в том, что на ее айпоне не может быть двух песен с похожими мелодиями и все они должны быть необычными.

На ней было кимоно, и волосы ее торчали в разные стороны, словно она только что проснулась. На кровати все было перевернуто. С мольбертов свисали простыни матери. Грязная одежда и старые обертки от энергетических шоколадок валялись на полу, но когда у тебя комната таких размеров, кавардак не очень заметен. В окне виднелись очертания Манхэттена во всей их ночной красе.

Рейчел бросала дротики в картину, где изображался я, стоящий над поверженным гигантом Антеем. Рейчел нарисовала ее пару месяцев назад. Я скорчил такую свирепую (даже пугающую) рожу, что трудно было понять, хороший я парень или плохой, но Рейчел сказала, что именно так я и выглядел после сражения.

— Полубоги, — пробормотала Рейчел, бросая в полотно еще один дротик. — И их дурацкие квесты...

Большинство дротиков улетали в никуда, но несколько попали в цель. Один торчал у меня под нижней губой, словно козлиная борода.

Кто-то постучал в дверь ее спальни.

— Рейчел! — раздался мужской голос. — Что ты там, черт побери, делаешь? Выключи это...

Рейчел схватила пульт дистанционного управления и выключила музыку.

— Входи.

Отец вошел, нахмурившись и моргая от света. У него были волосы цвета ржавчины, чуть темнее, чем у Рейчел. Они прилипли на одну сторону лица, словно он всегда спал на одном боку. Карман его синей шелковой пижамы украшала монограмма «ВД». Представляете? Кто вообще делает монограммы на пижаме?

— Что тут происходит? — спросил он. — Три часа ночи.

— Не могу уснуть, — ответила Рейчел.

Дротик, который имитировал мою бороду, слетел с картины. Остальные Рейчел спрятала за спиной, но мистер Дэр их заметил.

— Итак... насколько я понимаю, твой друг не вернется в Сент-Томас?

Мистер Дэр так меня называл. Никогда не говорил «Перси». Неизменно «твой друг». Или «молодой человек», если он обращался ко мне, что делал очень редко.

— Не знаю. — Рейчел насупилась.

— Утром мы уезжаем. Если он еще не принял решения...

— Он, вероятно, не придет, — с несчастным видом сказала Рейчел. — Ты доволен?

Мистер Дэр сцепил руки за спиной и принялся с суровым выражением на лице расхаживать по комнате. Я представил, как он это делает в зале заседаний совета директоров своей девелоперской компании и как дергаются, наблюдая за ним, его подчиненные.

— Тебя все еще мучают кошмары? — спросил он. — Головные боли?

Рейчел швырнула дротики на пол.

— Я жалею, что сказала тебе об этом!

— Я твой отец. Я переживаю за тебя.

— Ты переживаешь за репутацию семейства, — пробормотала Рейчел.

Ее отец никак на это не прореагировал, может, потому, что уже слышал это замечание раньше, а может, потому, что так оно и было на самом деле.

— Можно позвать доктора Аркрайта, — предложил он. — Он помог тебе пережить смерть твоего хомячка.

— Тогда мне было шесть лет, — сказала Рейчел. — Теперь мне не нужен психотерапевт. Я всего лишь... — Она беспомощно покачала головой.

Ее отец остановился перед окнами. Он смотрел на горизонт нью-йоркского неба так, словно оно принадлежало ему, что не соответствовало действительности. Он владел только его частью.

— Тебе полезно будет уехать, — решил он. — Тут на тебя оказывали нездоровое влияние.

— Я не собираюсь ни в какую женскую академию в Клардоне, — огрызнулась Рейчел. — А мои друзья тебя не касаются.

Мистер Дэр улыбнулся, но в этой улыбке не было дружелюбия. Она скорее говорила: «Настанет день, когда ты поймешь, какой глупой ты была».

— Попробуй уснуть, — предложил он. — Завтра вечером мы будем на берегу. Развлечешься немного.

— Развлекусь, — повторила за ним Рейчел. — Вот это уж точно.

Ее отец вышел из комнаты. Дверь за собой он не закрыл.

Рейчел уставилась на мой портрет, потом подошла к укрытому простыней мольберту рядом с ним.

— Надеюсь, это сны, — сказала она.

Она сняла простыню с мольберта, на котором оказался сделанный быстрыми росчерками угля набросок. Но Рейчел — хорошая художница. Черты Луки были явно узнаваемы — еще совсем мальчишка лет девяти, с широкой ухмылкой и в то время без шрамов на лице. Я понятия не имел, откуда Рейчел знала, как он тогда выглядел, но сходство было так велико, что я сразу понял: рисовала она не по догадке. Судя по тому, что я знаю о жизни Луки (а знаю я не так уж и много), здесь он был изображен как раз перед тем, как ему стало известно, что он полукровка, и Лука убежал из дома.

Рейчел уставилась на портрет, потом открыла следующий мольберт. Здесь я увидел еще более тревожную картинку — Эмпайр-стейт-билдинг и молнии вокруг него. Вдалеке была видна надвигающаяся буря, а из туч высывалась громадная рука. У основания здания собралась толпа... только не обычная толпа туристов и прохожих. Я видел копья, дротики и знамена — все признаки армии.

— Перси, — пробормотала Рейчел затухающим голосом. — Что происходит?

Сон погас, и последнее, что я помню, это желание ответить на вопрос Рейчел.

Я хотел позвонить ей следующим утром, но в лагере не было телефонов. Дионису и Хирону городской телефон не требовался. Если возникала такая необходимость, то они связывались с Олимпом почтой Ириды. А когда полубоги пользуются сотовыми, то их сигналы приводят в боевую готовность всех монстров в радиусе ста миль. Это все равно что выстрелить сигнальной ракетой: «Я здесь! Прицелься, пожалуйста!» Даже в безопасных границах лагеря мы не хотели делать себе такую рекламу.

У большинства полубогов (кроме Аннабет и нескольких других) даже нет сотовых телефонов. И я уж точно не мог сказать Аннабет: «Слушай, дай-ка мне твою мобилу — нужно позвонить Рейчел!» Чтобы позвонить, пришлось бы оставить лагерь и пройти несколько миль до ближайшего магазинчика. И даже если бы Хирон меня отпустил, к тому времени, когда я туда добрался бы, Рейчел уже летела бы самолетом в Сент-Томас.

Я с трудом проглотил завтрак за столиком Посейдона, не сводя глаз с трещины в мраморном полу, через которую несколько лет назад Нико отправил в подземное царство шайку кровожадных скелетов. Это воспоминание не очень-то улучшало мой аппетит.

После завтрака мы с Аннабет отправились инспектировать домики. Вообще-то дежурной была Аннабет. Мое же утреннее задание состояло в просмотре докладов для Хирона. Но так как мы оба ненавидели эти занятия, то решили заняться ими на пару, чтобы не было так отвратительно.

Мы начали с домика Посейдона, а это практически означало — с меня. Я утром застелил свою кушетку (ну, типа застелил), поправил рог Минотавра на стене, а потому из пяти баллов поставил себе четверку.

Аннабет скорчила гримасу:

— Ты слишком щедр.

Кончиком карандаша она приподняла с пола старые спортивные трусы.

Я быстренько схватил их.

— Эй, слушай, прекрати! Этим летом Тайсон за мной не убирает.

— Троечка из пяти баллов, — сказала Аннабет.

Я знал, что спорить бесполезно, и мы пошли дальше.

Я пытался на ходу просмотреть доклады Хирону. Тут были послания от полубогов, природных духов и сатиров со всей страны, они писали о происках монстров в последнее время. Сообщения удручающие, и мой мозг, страдающий синдромом «дефицит внимания в сочетании с гиперактивностью», вовсе не хотел вникать в эту информацию.

Повсюду происходили бои местного масштаба. Набор новичков в лагерь свелся к нулю. Сатирам не удавалось находить новых полукровок и приводить их на Холм полукровок, потому что по всей стране бродили монстры. Мы уже несколько месяцев не получали никаких известий от нашей подруги Талии, возглавлявшей охотников Артемиды, а если Артемида и знала, что с ними случилось, то нам она ничего не сообщала.

Мы зашли в домик Афродиты, который, конечно, получил пять из пяти. Кровати были застелены идеально. Одежда во всех шкафчиках разложена по цвету. На подоконнике стояли свежие цветы. Я хотел скинуть один балл за то, что весь домик провонял дорогими духами, но Аннабет меня не послушала.

— Как всегда, отличная работа, Силена, — сказала она.

Силена безразлично кивнула. Стена над ее кроватью была украшена фотографиями Бекендорфа. Она сидела на постели с коробочкой из-под шоколада на коленях, и я вспомнил, что ей принадлежал шоколадный магазинчик в Виллидже и что именно так она привлекла внимание Афродиты.

— Хотите конфет? — спросила Силена. — Мой отец прислал. Он думал... он думал, что это поднимет мне настроение.

— Вкусные? — спросил я.

Она покачала головой.

— Как картон.

Я ничего не имел против картона, а потому попробовал одну. Аннабет отказалась. Мы пообещали, что зайдем к Силене попозже, и пошли дальше.

Мы пересекли площадь и обнаружили, что домик Ареса конфликтует с домиком Аполлона. Часть обитателей домика Аполлона, вооружившись огненными бомбами, уселась в колесницу с пегасами и взлетела над домиком Ареса. Я прежде этой колесницы не видел, но она была вполне себе ничего — типичная прогулочная коляска. Скоро крыша на домике Ареса занялась огнем, и наяды из озера принялись ее тушить.

Тогда обитатели домика Ареса произнесли заклинание — и все стрелы у детей Аполлона превратились в резину. Они стреляли из лука, но резиновые стрелы просто отскакивали от ребят Ареса.

Мимо пробежали два лучника, преследуемые ребятами Ареса, которые на бегу выкрикивали стихи: «Ты мне заплатишь за проклятие это! Как мне обрыдли чертовы куплеты!»

— Кошмар, — вздохнула Аннабет, — опять то же самое. В прошлый раз, когда ребята Аполлона проклинали кого-то, те целую неделю сочиняли куплеты, никак не могли остановиться.

Меня пробрала дрожь. Аполлон был богом поэзии и стрельбы из лука, и я слышал собственными ушами, как он читает стихи. Я бы предпочел, чтобы меня пристрелили.

— А из-за чего у них сыр-бор? — спросил я.

Аннабет не ответила, делая пометку в своем свитке, — оба домика получили по единице.

Я вдруг понял, что смотрю на нее во все глаза... Это было смешно, потому что я видел ее миллион раз. Этим летом я догнал ее по росту, что стало для меня облегчением. И все же она казалась куда более взрослой. Это меня пугало. Нет, она, конечно, всегда была ничего, но теперь становилась просто красавицей.

Наконец она ответила:

— Из-за летающей колесницы.

— Что?

— Ты спросил, из-за чего у них сыр-бор.

— Ах да... Спросил.

— Они захватили ее в ходе рейда в Филадельфии на прошлой неделе. Там с этой летающей колесницей были некоторые из полукровок Луки. Домик Аполлона захватил ее во время сражения, но рейд возглавлял домик Ареса. И вот с тех пор они не могут решить, кому принадлежит эта колесница.

Мы пригнулись, когда колесница Майкла Ю спикировала на одного из ребят Ареса, который в ответ попытался его заколоть и обругать стихами — у него как раз здорово

получалось рифмовать всякие ругательные слова.

— Мы сражаемся не на жизнь, а на смерть, а они поссорились из-за какой-то дурацкой колесницы! — возмутился я.

— Ничего, перебесятся. Кларисса скоро возьмется за ум.

Я не был бы в этом так уверен. Это вовсе не в духе Клариссы.

Я проглядел еще несколько докладов, и мы проинспектировали еще несколько домиков. Деметра получила четверку. Гефест — тройку, а следовало бы и еще меньше, но мы им дали поблажку за Бекендорфа. Гермес схлопотал двойку, что неудивительно. Все обитатели лагеря, не знающие, кто их божественные родители, помещались в домик Гермеса, а так как боги — народ немного забывчивый, то в этом домике всегда толклось полным-полно народа.

Наконец мы добрались до домика Афины, где все было, как всегда, в порядке. Книжки ровно стояли на полках. Доспехи начищены. На стенах висели карты сражений и расписания. Только на койке Аннабет творился кавардак. Она вся была усыпана бумажками, а серебристый ноутбук Аннабет не включен.

— Влакас! — пробормотала Аннабет, то есть обозвала себя идиоткой по-гречески.

Ее заместитель Малькольм едва сумел скрыть улыбку.

— Ну да, гм... мы все остальное убрали. Не знали только, можно ли трогать твои записки.

Это они предусмотрительность проявили. У Аннабет имелся бронзовый нож, предназначенный для монстров и людей, которые совали нос в ее вещи.

Малькольм посмотрел на меня.

— Мы подождем на улице, пока вы закончите инспекцию.

Ребята Афины строем вышли из домика, а Аннабет принялась убирать свою койку.

Я неловко переминался с ноги на ногу, делая вид, что изучаю доклады. Даже во время инспектирования правила лагеря запрещали полукровкам разных полов находиться... ну, как бы вдвоем в домике.

Об этом правиле вспомнили, когда Силена и Бекендорф стали встречаться. И я знаю, кое-кто из вас может подумать: а разве все полубоги не являются родней по божественной линии? А если так, то разве всякие гулянки-свиданки не находятся под запретом? Но тут дело в том, что божественная линия с точки зрения генетики в счет не идет, поскольку у богов нет ДНК. Ни один полубог не станет встречаться с кем-то, у кого тот же самый божественный родитель. Ну, скажем, двое ребят из домика Афины... Никогда! Ну а если дочь Афродиты и сын Гефеста? Они же не родственники. Так что тут никакой проблемы нет.

По какой-то странной причине я думал об этом, глядя, как Аннабет наводит порядок. Она закрыла ноутбук, который прошлым летом получила в подарок от изобретателя Дедала.

Я откашлялся.

— Так ты... добыла какие-нибудь интересные сведения из этой коробочки?

— И еще сколько! — воскликнула она. — У Дедала было столько идей, мне сто лет нужно, чтобы все их разложить по полочкам.

— Да, — пробормотал я. — Это будет забавно.

Аннабет собрала в кучу свои бумаги — в основном зарисовки зданий и кипу записок. Я знал, что она хочет стать архитектором, но, раз получив хороший урок, больше никогда не спрашивал у нее, над чем она работает. Иначе она пошла бы нести всякую чушь про углы и точки опоры, пока у меня глаза на лоб не повылазили.

— Знаешь... — сказала Аннабет, убирая волосы за ухо, что она обычно делает, когда

нервничает. — Вся эта история с Бекендорфом и Силеной. Она... заставляет задуматься. О том... что важно. О потере людей, которые для тебя важны.

Я кивнул. Мой мозг начал фиксировать всякие случайные подробности, например то, что она все еще носит серебряные сережки в виде сов — их подарил ей отец. Он у нее такой башковитый мужик — профессор военной истории в Сан-Франциско.

— Гм... да, — неуверенно пробормотал я. — Это... у тебя дома все в порядке?

Ну да, ну да, совсем идиотский вопрос, но я же нервничал, черт меня раздери! Аннабет посмотрела на меня разочарованным взглядом, но кивнула.

— Отец хотел взять меня в Грецию этим летом, — задумчиво сказала она. — Я всегда хотела увидеть...

— Парфенон, — вспомнил я.

— Ну да. — Она натянуто улыбнулась.

— Ничего. Не последнее ведь лето.

Не успел я это сказать, как понял, что сморозил глупость. Я был на пороге гибели. Через неделю Олимп может пасть. Если эпоха богов и в самом деле заканчивалась, то мир, который мы знали, должен был погрузиться в хаос. На полукровок будет объявлена охота до тех пор, пока нас не изведут всех до единого. Летних каникул у нас больше не предполагается.

Аннабет уставилась в свой свиток.

— Три из пяти баллов, — пробормотала она, — из-за того, что староста — идиотка. Идем. Покончим с твоими докладами и вернемся к Хирону.

На пути к Большому дому мы прочли последнее сообщение — оно было написано от руки на кленовом листе. Прислал его сатир из Канады. Хотя настроение у меня и так было хуже некуда, но, прочтя написанное, я почувствовал себя еще хуже.

— «Дорогой Гроувер, — прочел я вслух, — леса вокруг Торонто подверглись нападению злобного гигантского барсука. Попытался действовать по твоему совету и призвать на помощь силы Пана. Без толку. Многие деревья наяд уничтожены. Отступаем к Оттаве. Ждем совета. Где ты? Глисон Хедж, протектор».

Аннабет нахмурилась.

— Ты получал от Гроувера хоть какие-нибудь известия? Ну хоть по твоей эмпатической связи?

Я отрицательно покачал головой.

Начиная с прошлого лета, когда умер бог Пан, наш друг Гроувер уходил во все более далекие походы. Совет козлоногих старейшин объявил его отщепенцем, но Гроувер продолжал прочесывать Восточное побережье, пытаясь рассказать о Пани и убедить духов природы защитить их собственные малые клочки дикой чащи. Он приходил в лагерь всего несколько раз, чтобы повидаться со своей девушкой Можжевелькой.

Последнее известие о нем пришло из Центрального парка — он там организовывал дриад, но вот уже два месяца от него не поступало никаких известий. Мы пытались связаться с ним почтой Ириды, но послания до него не доходили. У меня с Гроувером была эмпатическая связь, и поэтому я думал, что, случись с ним беда, мне станет об этом известно. Гроувер как-то раз сказал мне, что если он умрет, то эмпатическая связь может убить и меня. Но я не был уверен, оставалось ли это до сих пор в силе или нет.

«Может быть, он все еще на Манхэттене?» — спрашивал я себя.

Потом я вспомнил свой сон и про набросок Рейчел — темные тучи смыкаются над

городом, армия, собравшаяся у Эмпайр-стейт-билдинга...

— Аннабет! — Я остановил ее у площадки для игры в тезербол^[4]. Я понимал, что напрашиваюсь на неприятности, но не знал, кому еще можно довериться. И потом я всегда полагался на ее советы. — Слушай, мне приснился такой странный сон про Рейчел...

Я рассказал ей все, даже про странную картинку, изображающую Луку в детстве.

Некоторое время она молчала, потом так плотно скрутила свой свиток с отметками, что он даже порвался.

— И что ты хочешь, чтобы я тебе сказала?

— Не знаю. Ты лучшая из всех известных мне стратегов. Если бы ты была Кроносом и планировала эту войну, то каким бы был твой следующий шаг?

— Я использовала бы Тифона для отвлекающего маневра. А потом нанесла бы удар по Олимпу, пока боги находятся на Западе.

— Точно так, как на картинке Рейчел.

— Перси, — сказала она звенящим голосом. — Рейчел всего лишь смертная.

— Но что, если ее сон говорит правду? Ведь, судя по словам тех других титанов, и Олимп будет уничтожен в течение нескольких дней. Они говорили, что у них масса других вариантов. А что с этой картинкой Луки в детстве...

— Мы просто должны быть готовы.

— Каким образом? — спросил я. — Ты посмотри на лагерь. Мы даже с внутренними распрями не можем покончить. А тут еще мою дурацкую душу должны забрать.

Аннабет швырнула на землю свиток.

— Я знала, что нельзя тебе показывать это пророчество! — Голос у нее был сердитый и уязвленный. — Оно тебя только напугало. А ты, когда напуган, пытаешься от всего спрятаться.

Я, совершенно ошарашенный, уставился на нее.

— Я? Спрятаться?

— Да, ты. — Она смотрела мне прямо в глаза. — Ты — трус, Перси Джексон!

Мы стояли нос к носу. Глаза у нее были красные, и я вдруг понял, что, называя меня трусом, она, возможно, не имела в виду пророчество.

— Если тебе кажется, что наши шансы невелики, то, может, тебе лучше отправиться вместе с Рейчел на каникулы? — сказала она.

— Аннабет...

— Если тебя не устраивает наша компания.

— Это несправедливо!

Она метнулась мимо меня в сторону полей клубники. По пути пнула тезербол, и он сердито закрутился вокруг шеста.

Хотелось бы сказать, что с этого момента настроение у меня стало улучшаться. Но этого, конечно, не случилось.

В этот день у нас намечалось собрание у костра — мы должны были сжечь саван Бекендорфа и проститься с нашим товарищем. Даже домики Ареса и Аполлона по такому случаю заключили временное перемирие.

Саван Бекендорфа был сделан из металлических звеньев наподобие кольчуги. Я не понимал, как он будет гореть, но, видимо, тут нам помогали парки. Металл расплавился в огне и, превратившись в золотистый дымок, устремился в небо. Пламя костра всегда

отражало настроение обитателей лагеря, и сегодня его языки были черного цвета.

Я надеялся, что дух Бекендорфа окажется в Элизиуме. Может быть, он даже решит возродиться и проживет три жизни, чтобы добраться до Островов блаженных, а ведь это в царстве мертвых что-то вроде генерального штаба. Уж если кто это заслужил, то в первую очередь — Бекендорф.

Аннабет ушла, не сказав мне ни слова. Бóльшая часть обитателей лагеря тоже разошлись по своим делам, а я стоял, уставившись в догорающий костер. Силена сидела рядом и плакала, а Кларисса со своим бойфрендом Крисом Родригесом пытались ее утешить.

Наконец я набрался мужества и подошел к ним.

— Привет, Силена. Я тебе очень сочувствую.

Она шмыгнула носом. Кларисса сердито посмотрела на меня, но она всегда на всех смотрит сердито. Крис даже не повернулся в мою сторону. Он входил в команду Луки, пока Кларисса не спасла его из Лабиринта прошлым летом, и я думаю, Крис до сих пор чувствует себя виноватым.

Я откашлялся.

— Силена, знаешь, у Бекендорфа была твоя фотография. Он смотрел на нее перед тем, как у нас там все началось. Ты очень много для него значила. Благодаря тебе прошедший год стал лучшим в его жизни.

Силена зарыдала.

— Ну ты и умник, Перси, — пробормотала Кларисса.

— Нет, ничего, — прошептала Силена. — Спасибо... спасибо тебе, Перси. Я пойду.

— Давай я побуду с тобой, — предложила Кларисса.

Силена отрицательно покачала головой и побежала прочь.

— Она сильнее, чем кажется, — пробормотала Кларисса так тихо, словно говорила сама с собой. — Ничего, справится.

— Ты могла бы ей помочь, — сказал я. — Ты могла бы почтить память Бекендорфа, сражаясь вместе с нами.

Кларисса схватилась было за нож, но его на поясе больше не было — она швырнула его на стол для настольного тенниса в Большом доме.

— Это не моя проблема, — прорычала она. — Если мои ребята не получают того, что заслуживают, я не сражаюсь.

Я заметил, что она не говорит в рифму. Может быть, ее не было поблизости, когда ее соплеменники подверглись проклятию, а может, она знала способ разрушать это колдовство. Меня мороз подрал по коже, когда я подумал, что, может, Кларисса и есть шпион Кроноса в лагере. Но какую бы неприязнь я ни питал к Клариссе, шпионить на титанов — это было совсем не в ее духе.

— Ну хорошо, — вздохнул я. — Я не хотел об этом говорить, но за тобой должок. Если бы не я, то ты бы теперь гнила в пещере циклопов в Море чудовищ.

Она стиснула зубы.

— Проси о чем угодно, Перси, только не об этом. Домик Ареса слишком часто подвергался унижениям. И не думай, будто я не знаю, что люди говорят обо мне за глаза.

Я хотел сказать: «Что ж, разве это не правда?» Но прикусил язык.

— И что же ты — будешь спокойно смотреть со стороны, как Кронос нас уничтожит? — спросил я.

— Если вам так нужна моя помощь, скажи отпрыскам Аполлона — пусть отдадут нам

колесницу.

— Ты прямо как ребенок.

Она бросилась было на меня, но между нами встал Крис.

— Тихо, ребята, — сказал он. — Кларисса, знаешь, он, может, в чем-то и прав.

— И ты туда же? — Она презрительно посмотрела на него.

Потом устало повернулась и пошла прочь — Крис бросился следом.

— Эй, постой! Я только хотел сказать... Кларисса, подожди!

Я проследил, как последние искорки Бекендорфова костра улетают в закатное небо, а потом направился на арену для фехтования. Мне нужно было передохнуть, и я хотел увидеть старого друга.

Глава пятая

Я загоняю свою собаку в дерево

Миссис О'Лири увидела меня раньше, чем я ее; отличная работа, если учесть ее размеры — примерно с мусоровоз. Я вышел на площадку — и стена темноты навалилась на меня.

— ГАВ-ГАВ!

Следующее, что я помню: я лежу на земле, на груди у меня стоит здоровенная лапа, и лицо мне лижет громадный язык — жесткий, как терка.

— Ой-ой-ой, — сказал я. — Привет, девочка. Рад тебя видеть.

Миссис О'Лири понадобилось несколько секунд, чтобы успокоиться и обратиться с меня. К тому времени я был весь в собачьих слюнях. Ей хотелось поиграть, и я, подобрав бронзовый щит, швырнул его в угол площадки.

Кстати, Миссис О'Лири — единственная дружелюбная адская гончая в мире. Я вроде как получил ее в наследство, когда умер ее прежний владелец. Она жила в лагере, и Бекендорф... бедняга... если я отсутствовал, то заботился о ней Бекендорф. Это он выплавил бронзовую косточку, которую так полюбила Миссис О'Лири. Он выковал для нее ошейник с улыбающейся мордашкой и именную бирку в виде скрещенных костей. После меня лучшим ее другом был Бекендорф.

Вспомнив об этом, я снова загрустил, но все еще несколько раз забрасывал щит подальше, потому что Миссис О'Лири хотелось играть.

Вскоре она начала лаять. Лай ее был чуть громче артиллерийской канонады — так она обычно просила ее выгулять. Другие обитатели лагеря вовсе не находили забавным, если она забегала в уборную на площадке. Это, как правило, приводило к многочисленным падениям и ушибам. Поэтому я распахнул калитку, и Миссис О'Лири понеслась к лесу.

Я затрусил следом, не очень беспокоясь о том, что она убежала далеко вперед. В лесу Миссис О'Лири нечего опасаться. Даже драконы и гигантские скорпионы убегали при ее приближении.

Когда я наконец догнал ее, оказалось, что она вовсе не пользуется лесными удобствами. Она топталась на знакомой мне полянке, где когда-то Совет козлоногих старейшин подверг испытанию Гроувера. Вид у этого местечка стал не очень привлекательный. Трава пожелтела. С трех тронов из подстриженных кустов опали все листья. Но удивило меня не это. В середине этой прогалины стояла самая необычная тройца, какую мне доводилось видеть: древесная нимфа Можжевелька, Нико ди Анджело и очень старый и очень толстый сатир.

Казалось, один Нико не испугался Миссис О'Лири. Вид у него был такой же, каким я видел его во сне, — в летной куртке, черных джинсах и футболке с танцующими на ней скелетами вроде тех, что видишь на картинках, изображающих День мертвецов. Меч стигийской стали висел у него на боку. Нико едва исполнилось двенадцать, но выглядел он гораздо старше и печальнее, чем обычно выглядят ребята в его возрасте.

Увидев меня, он кивнул, а потом снова принялся чесать за ухом у Миссис О'Лири. Она обнюхивала его ноги, словно он был самым интересным блюдом на свете после стейков на ребрышках. Как сын Аида, он, вероятно, путешествовал по разным местам, облюбованным

адскими гончими.

Что касается старого сатира, то появление Миссис О'Лири его совсем не порадовало.

— Может, кто-нибудь... Что это существо из Царства мертвых делает в моем лесу?! — Он взмахнул руками и принялся перебирать копытами так, словно трава под ним загорелась. — Эй, Перси Джексон, это твоя зверюга?

— Извини, Леней, — сказал я. — Тебя ведь так зовут?

Сатир закатил глаза. Его сероватый мех весь пропылился, а между рогов сплел паутину паук. И вообще с таким животом он мог бы работать бампером для автомобиля.

— Конечно, меня зовут Леней! Только не говори мне, что так быстро забыл члена совета. А теперь уберись отсюда эту псину!

— ГАВ! — довольно пролаяла Миссис О'Лири.

Старый сатир судорожно сглотнул.

— Пусть эта животина уберется отсюда, Можжевелка! В таких условиях я не буду вам помогать!

Можжевелка повернулась ко мне. Она была красива на дриадский манер — в фиолетовом платье из газовой ткани и с личиком эльфа, — но хлорофилл заволок ее глаза зеленовато-болотным цветом, наверное, она плакала.

— Перси, — шмыгнула носом Можжевелка, — я как раз спрашивала про Гроувера. Я знаю — что-то случилось. Он никогда не пропадал так надолго — я чувствую, он попал в беду. Я надеялась, что Леней...

— Я тебе сказал! — возразил сатир. — Без этого предателя вам же будет лучше.

Можжевелка топнула ногой.

— Никакой он не предатель! Он смелейший из сатиров, и я хочу знать, где он!

— Гав!

Колени Ленея затряслись.

— Я... я не буду отвечать на вопросы, пока эта адская собака нюхает мой хвост!

У Нико был такой вид, будто он с трудом сдерживается, чтобы не рассмеяться.

— Я пойду выгуляю собачку, — вызвался он.

Он свистнул, и Миссис О'Лири потрусилась за ним в дальний конец роши. Леней возмущенно засопел и стряхнул веточки с рубашки.

— Так вот, юная дама, я пытался объяснить, что ваш дружок не дает о себе знать, потому как мы проголосовали за его изгнание.

— Это ты пытался проголосовать за его изгнание, — поправил его я. — Хирон и Дионис пресекли это.

— Ну, они же только почетные члены совета. Это было неправильное голосование.

— Я сообщу Дионису, что ты это сказал.

— Я только имел в виду... — Леней побледнел. — Послушай меня, Джексон, тебя этот вопрос не касается.

— Гроувер — мой друг. Он не лгал тебе о смерти Пана. Я сам это видел. Ты был слишком испуган, чтобы принять правду.

Губы Ленея задрожали.

— Нет! Гроувер — лжец, и слава богам, что мы от него избавились. Без него нам лучше.

Я показал на завядшие троны.

— Если дела идут так хорошо, то где твои друзья? Похоже, твой совет в последнее время не собирался.

— Марон и Силен... Я... я уверен, что они вернуться, — сказал он, но в голосе его звучала паника. — Они просто взяли паузу, чтобы подумать. Год был очень тревожный.

— Он будет еще тревожнее, — пообещал я. — Леней, нам необходим Гроувер. Наверняка ты можешь его найти с помощью своего волшебства.

Веки старого сатира задергались.

— Я тебе говорю — я ничего не слышал. Возможно, он мертв.

Можжевелка едва сдержала рыдание.

— Он не мертв, — сказал я. — Уж это-то я точно чувствую.

— Эмпатическая связь, — с отвращением выдохнул Леней. — Очень ненадежная вещь.

— Тогда поспрашивай, — настаивал я. — Найди его. Надвигается война. Гроувер готовил духов природы.

— Без моего разрешения! И это не наша война.

Я схватил его за отвороты рубашки, что было на меня вовсе не похоже, но этот старый козел меня достал!

— Послушай, Леней, когда Кронос начнет атаку, он спустит с цепи целую свору адских гончих. Он будет уничтожать все, что попадется на его пути, — смертных, богов, полубогов. Ты думаешь, он не тронет сатиров? Ты считаешься вожаком. Так ВЕДИ! Выйди и посмотри, что происходит. Найди Гроувера и принеси какие-нибудь известия для Можжевелки. А теперь ИДИ!

Я толкнул его не очень сильно, но у него, кажется, сместился центр тяжести, и он рухнул на мохнатые ягодицы, потом поднялся на копыта и припустил прочь — его животик подпрыгивал на бегу.

— Гроувер никогда не будет принят! Он умрет изгнанником!

Он исчез в кустах. Можжевелка вытерла глаза.

— Извини, Перси, я не хотела тебя втягивать в это. Леней ведь все еще владыка чащи. Не хватало тебе в его лице заполучить врага.

— Ну, это не беда. У меня есть враги и похуже, чем растолстевшие сатиры.

Вернулся Нико.

— Отличная работа, Перси. Судя по следу козлиных шариков, я бы сказал: нагнал ты на него страху.

Я, к несчастью, догадывался, зачем здесь оказался Нико, но попытался выдавить улыбку.

— С возвращением. Ты заглянул, чтобы увидеться с Можжевелкой?

— Гм, нет. — Он зарделся. — Так случайно вышло. Я типа... ну, наткнулся на них во время разговора.

— Он нас до смерти напугал, — попыталась улыбнуться Можжевелка. — Вдруг откуда ни возмись. Но, Нико, ты ведь все-таки сын Аида. Ты уверен, что ничего не слышал про Гроувера?

Нико переступил с ноги на ногу.

— Можжевелка, я тебе пытался объяснить... даже если Гроувер умер, он все равно бы возродился в чем-нибудь живом. Я таких вещей не вижу — только смертные души.

— Но если ты все же что-то услышишь? — взмолилась она, кладя пальцы на его руку. — Ну хоть что-нибудь?

Щеки Нико зарделись еще сильнее.

— Нет вопросов. Буду держать ушки на макушке.

— Мы его найдем, Можжевелка, — пообещал я. — Гроувер жив, я ничуть не

сомневаюсь. Должно быть какое-то простое объяснение, почему он не выходит на связь.

Она печально кивнула.

— Это ужасно, что я не могу покинуть лес. Он может быть где угодно, а я не могу двинуться с места. Жду. А что, если этот глупый козлик ранен...

Прискакала Миссис О'Лири и стала проявлять интерес к платью Можжевельки. Та вскричала:

— Нет-нет, не смей! Я знаю, как собаки пользуются деревьями... я уйду!

Она исчезла в зеленом тумане. Вид у Миссис О'Лири был разочарованный, но она поплелась искать другой объект, оставив меня и Нико с глазу на глаз.

Нико поковырял мечом землю, и оттуда появился холмик звериных косточек. Они сложились в скелет полевой мышки, которая тут же припустила прочь.

— Я слышал про Бекендорфа... Мне очень жаль.

— Как ты... — У меня комок подступил к горлу.

— Я говорил с его духом.

— Ах так... — Я никак не мог привыкнуть к тому, что этот двенадцатилетний парнишка больше говорит с мертвецами, чем с живыми. — Он что-нибудь говорил?

— Он тебя не винит. Он решил, что ты будешь изводить себя, и просил передать — не стоит.

— Он будет пытаться возродиться?

Нико покачал головой.

— Он остается в Элизиуме. Сказал, что ждет там кое-кого. Не знаю, что он имел в виду, но вроде смерть его не слишком беспокоит.

Меня это не очень утешило, но все же лучше, чем ничего.

— Мне было видение — ты на горе Тамалпаис, — сказал я Нико. — Ты там был?..

— Был, — отозвался он. — Я не собирался шпионить за титанами, но я оказался поблизости.

— И что ты там делал?

— Да так, была там одна наводка... — Нико поправил пояс. — Ну, ты знаешь, это связано с моей семьей.

Я кивнул. Мне было известно, что его прошлое — тема болезненная. Еще два года назад он и его сестра Бьянка застряли во времени в месте, называемом казино «Лотос». Они там провели лет семьдесят. В конечном счете их спас один таинственный адвокат, который отправил их в школу-пансион, но у Нико не сохранилось никаких воспоминаний о его жизни до казино. Он ничего не знал о своей матери. Он не знал, кто этот адвокат, или почему они были заморожены во времени, или почему их освободили. С тех пор как Бьянка умерла и Нико остался один, он не находил себе покоя — искал ответ на эти вопросы.

— Ну и как у тебя дела? — спросил я. — Узнал что-нибудь?

— Нет, — пробормотал он. — Но скоро, возможно, у меня будет новая наводка.

— И что за наводка?

Нико пожевал губу.

— Сейчас это не имеет значения. Ты знаешь, почему я здесь.

Неприятный холодок страха сжал грудь. С того самого дня прошлым летом, когда Нико предложил свой план, как победить Кроноса, меня по ночам мучили кошмары. Нико время от времени появлялся и пытался выжать из меня решение, но я всегда умудрялся отделяться от него.

— Нико, я не знаю, — ответил я. — Это кажется уж совсем крайняя мера.

— Тут Тифон появится... когда? Через неделю? Большинство других титанов тоже на свободе, и все они на стороне Кроноса. Может, пора уже переходить к крайним мерам?

Я оглянулся в сторону лагеря. Даже с такого расстояния было слышно, что между домиками Ареса и Аполлона продолжается свара, они сыпали проклятиями и выкрикивали дурацкие куплеты.

— Против армии титанов — они ничто... ты сам это знаешь. Все решится в битве между тобой и Лукой. А победить Луку ты можешь единственным способом.

Я вспомнил схватку на «Принцессе Андромеде». Я безнадежно проиграл. Кронос чуть не убил меня одной-единственной царапкой, а мне даже ранить его не удалось. Анаклузмос отскакивал от его кожи.

— Мы можем дать тебе такую же силу, — убеждал меня Нико. — Ты слышал великое пророчество. Если ты не хочешь, чтобы твою душу забрал окаянный клинок...

«Интересно, откуда Нико известно про это пророчество, — подумал я. — Возможно, от какого-нибудь призрака...»

— Пророчество нельзя изменить...

— Но ты можешь бороться с ним. — Глаза Нико горели каким-то странным хищным светом. — Ты можешь стать неуязвимым.

— Может, стоит подождать. Попытаться драться без...

— Нет! — отрезал Нико. — Это нужно сделать сейчас!

Я уставился на него. Давно я не видел, чтобы он так кипятился.

— Слушай, ты как вообще — в порядке?

Нико глубоко вздохнул.

— Перси, я только хочу сказать... когда начнется большая драка, мы не сможем совершить это путешествие. Это наш последний шанс. Извини, если я слишком на тебя давлю, но два года назад моя сестра отдала свою жизнь, чтобы тебя защитить. Я хочу, чтобы ты с уважением относился к этому. Сделай все для того, чтобы остаться живым и победить Кроноса.

Мне эта идея не нравилась. Потом я вспомнил об Аннабет — как она назвала меня трусом — и рассердился.

Нико трудно было отказать в логике. Если Кронос нападет на Нью-Йорк, то обитатели лагеря ничего не смогут ему противопоставить. Я должен принять какое-то решение! Предложение Нико было опасным, может, даже смертельно опасным. Но оно могло дать мне преимущество в схватке.

— Ну хорошо, — решил я. — Так с чего мы начнем?

Увидев его холодную, зловещую улыбку, я пожалел, что согласился.

— Для начала мы должны проследить шаги Луки. Мы должны больше узнать о его прошлом, о его детстве.

Меня пробрала дрожь, когда я вспомнил о картинке Рейчел в моем сне — улыбающийся девятилетний Лука.

— Зачем нам это нужно знать?

— Объясню, когда доберемся, — помотал головой Нико. — Я уже нашел его мать. Она живет в Коннектикуте.

Я уставился на него. Никогда особо не задумывался о смертной родительнице Луки. С его отцом, Гермесом, я встречался, но его мать...

— Лука убежал, когда был совсем мальчишкой, — сказал я. — Я и не знал, что его мать жива.

— Живехонька. — Нико произнес это таким тоном, что у меня возникли сомнения: все ли с ней в порядке? Может, она какая-нибудь жуткая карга?

— Ну хорошо... Так как нам попасть в Коннектикут? Я могу позвать Пирата...

— Нет. — Нико насупился. — Пегасы меня не любят. И это чувство взаимно. Но лететь туда нет необходимости. — Он свистнул, и из леса прискакала Миссис О'Лири.

— Вот твоя подружка нам поможет. — Нико потрепал ее по голове. — Ты еще не совершал путешествий по теням?

— Путешествий по теням?

Нико прошептал что-то на ухо Миссис О'Лири. Она наклонила голову и внезапно насторожилась.

— Давай усаживайся, — скомандовал Нико.

Я никогда раньше не рассматривал собаку в качестве транспортного средства, но Миссис О'Лири была достаточно велика. Я забрался ей на спину и ухватился за ошейник.

— Для нее это будет очень утомительно, — предупредил меня Нико, — так что злоупотреблять этим нельзя. И лучше всего это действует по ночам. Все тени — часть одной и той же субстанции. Есть только одна темнота, и создания Царства мертвых могут использовать ее как дорогу или дверь.

— Не понимаю.

— Конечно, — ответил Нико. — Мне самому много времени понадобилось, чтобы понять. Но Миссис О'Лири знает. Ты ей скажи, куда тебе надо. Скажи ей: «Уэстпорт, дом Мей Кастеллан».

— А ты не со мной?

— Ты не беспокойся. Я тебя там встречу.

Я немного нервничал, но пригнулся к уху Миссис О'Лири.

— Слушай меня, девочка. Ты можешь доставить меня в Уэстпорт, штат Коннектикут? Дом Мей Кастеллан?

Миссис О'Лири понюхала воздух, посмотрела во мрак леса, а потом прыгнула вперед — прямо на дуб перед нами.

Но перед тем как удариться о дерево, мы перешли в область тени, холодной, как обратная сторона луны.

Глава шестая

Подгоревшее печенье

Не рекомендую вам путешествий по теням, если вы боитесь:

- а) темноты;
- б) мурашек на спине;
- в) странных звуков;
- г) скорости, при которой вам кажется, что у вас с лица облезает кожа.

Иными словами, это было ужасно. Целую минуту я вообще ничего не видел, только чувствовал мех Миссис О'Лири и свои пальцы, вцепившиеся в бронзовые колечки ошейника.

В следующую минуту тени образовали новый ландшафт. Мы оказались на утесе в коннектикутской глубинке. По крайней мере, это было похоже на Коннектикут по моим воспоминаниям — я раза два был там, — много деревьев, низкие каменные стены, большие дома. По одну сторону утеса виднелось шоссе, проложенное в ущелье. По другую — чей-то задний двор. Участок был громадный и весь дикий, неухоженный. Дом — двухэтажный, белый, в колониальном стиле. И хотя расположился он по другую сторону холма от шоссе, ощущение возникало такое, будто он находится черт знает где. Под старой яблоней стояли заржавевшие железные качели. Я увидел свет в кухонном окне.

Я представить себе не мог, как можно жить в таком доме, у которого есть настоящий двор и все такое. Лично я всю жизнь прожил в маленькой квартирке в многоэтажке или в школьном общежитии. Если это дом Луки, то непонятно, с чего это он надумал дать отсюда деру.

Миссис О'Лири оступилась, и я вспомнил, что Нико предупреждал меня: путешествия по теням для нее утомительны. Поэтому я сполз со спины собаки, а она зевнула во всю свою огромную зубастую пасть, которая напугала бы и тираннозавра, потом повернулась вокруг своей оси и грохнулась на травку с такой силой, что земля вокруг сотряслась.

Рядом со мной появился Нико — бесшумно, словно тени сгустились и сотворили его. Он было оступился, но я подхватил его под руку.

— Я ничего, — выдавил он, протирая глаза.

— Как ты это сделал?

— Практика. Несколько раз врезался в стены. Пару раз случайно попал в Китай.

Миссис О'Лири принялась храпеть. Если бы по шоссе с ревом не неслись машины, то она тут всех перебудила бы.

— Ты тоже собираешься вздремнуть? — спросил я у Нико.

Он покачал головой.

— После моего первого путешествия по теням я вырубился на неделю. А теперь меня только немного клонит в сон... правда, я могу делать это не чаще двух раз в неделю. Миссис О'Лири какое-то время должна будет тут полежать.

— Значит, нам придется приятно проводить время в Коннектикуте. — Я посмотрел на дом в колониальном стиле. — Ну, так что теперь?

— Давай позвоним в дверь, — предложил Нико.

Будь я матерью Луки, я бы не открыл дверь на ночь глядя двум незнакомым парням. Но,

как выяснилось, у нас с ней не было ничего общего.

Я это понял, еще когда мы не успели добраться до ее крыльца. Вдоль тропинки стояли игрушечные фигурки зверушек, какие продаются в сувенирных лавках. Тут были маленькие львы, поросята, драконы, гидры, даже маленький Минотавр в маленьких минотаврских трусиках. Судя по их жалкому виду, эти фигурки обосновались тут довольно давно — еще до таяния снега прошлой весной. У одной из гидр между шей пробивался росток дерева.

На входной двери висела уйма таких штук... их называют «музыка ветра». Блестящие стекляшки и металлические трубочки позвякивали от каждого дуновения. Медные полоски журчали, как ручейки, и я тут же понял, что мне бы не мешало забежать в туалет. И как только Миссис Кастеллан выносила весь этот шум!

Входная дверь была выкрашена в бирюзовый цвет. Фамилия Кастеллан была написана по-английски, а ниже по-гречески: Λιουχητής Φρουρίων.

Нико посмотрел на меня.

— Ну, готов?

Он не успел постучать в дверь, как та распахнулась.

— Лука! — радостно воскликнула женщина.

У нее был вид человека, который любит совать пальцы в электрические розетки. Ее седые волосы торчали во все стороны, розовый халат был прожжен в сотне мест и весь засыпан пеплом. Когда она улыбалась, кожа у нее на лице неестественно растягивалась, а блеск в глазах — напряжение зашкаливало! — вызывал у меня вопрос: уж не слепая ли она?

[Купить полную версию книги](#)

notes

Популярная игрушка и персонаж мультфильма — хорошенький пони с расчесанной гривой.

Перси имеет в виду информационные щиты с планами города, района, магазина. Местонахождение такого щита обозначается на плане кружочком с надписью «Ты (находишься) здесь».

Этот сыр — популярная закуска, пришедшая из Мексики.

Тезербол — игра в мяч для двоих: мяч привязан к шесту, и противники бьют по мячу, пытаясь намотать на шест веревку, которой привязан мяч, каждый в свою сторону — один по часовой стрелке, другой — против. Побеждает тот, кто закрутит веревку до предела.